

Олег Лесковой

Ностальгия

МО, Щелково

ОНТО
 ПРИНТ
СДЕЛАНО - СКАЗАНО

2013

УДК 82(14+3).161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л50

Фотографии картин:
Евгении Никаноровны Лесковой
(20.01.1926 – 04.05 1999 г.)

Лесковой О. Ф.

Л50 Ностальгия [Сб] / О. Ф. Лесковой. — МО, Щёлково :
Издатель Мархотин П. Ю., 2013. — 184 с. : ил.

ISBN 978-5-00038-018-5

УДК 82(14+3).161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00038-018-5

© Лесковой О.Ф., 2013

Я хочу эту книгу посвятить
нашим родителям, которые
пережили страшную войну,
получили образование,
много ездили по разным
странам с гастрольями,
писали картины. Любили нас.

Светлая им память.

Ностальгия

«Зима – Крюково» - Евгения Лесковая (1963 – 1966 г.)

Он смотрел на эти три фотографии, а лицо его выражало всё большее недоумение: «Не может быть!» - говорила его физиономия. Мы сами как-то не придавали значения этому, как нам казалось, не очевидному сходству. Мы – это я и наш сосед, замечательный парень, Владимир. Всю ночь нам пришлось проторчать в очереди возле турецкого консульства, чтобы получить визу, для въезда в эту страну. Наконец, мы подошли к заветному окошку, из которого только что перед нами, выбросили документы в лицо подателю, кавказского вида мужчины. Его вопросы и объяснения никто не стал слушать. «Следующий!» - прозвучало с акцентом: «Следующий!» Следующим был Владимир. Он просунул в окошко свои документы. Раньше, чтобы получить визу в страну, в данном случае в Турцию, нужен был вызов от местного жителя. Если у меня никого нет в Турции, то кто меня мог вызывать к себе в гости? Никто в гости, конечно, не ехал, а вызов делали липовый, за деньги. Некий турок оформлял вызов и за это получал какие-то деньги. Вызов переправлялся в Россию, за это тоже кто-то что-то получал. И вот уже с этим

вызовом приходили в консульство. На вызове было фото турка. На моих документах, моя фотография. Но что удивительно: мой турок по фамилии Эрдоган, был страшно похож на меня и, как ни странно, на соседа Владимира, которого он тоже вызывал. На фотографиях мы были, как три родных брата: я – старший, Эрдоган – средний с усами и младший – Владимир, тоже с усами. И вот, смотрит чиновник консульства на фотографии Эрдогана и Владимира с большим удивлением. Ставит визу, отдаёт документы, забирает мои. Меня тоже вызывает Эрдоган, да и фото моё его тоже удивило. Турок быстро схватил документы, которые ещё не успел забрать Владимир и начал с удивлением рассматривать чудо: три брата с разными фамилиями. Измена довольно долго была написана на его физиономии. Но вызов был не липовый. Он долго сличал фотографии, кричал, наконец, поставил мне визу и возвратил наши документы.

Но это ещё не Турция. Теперь нужно обменять деньги. Тогда меняли только по триста пятьдесят долларов. Это ещё одна ночь в январе 1991 года, но уже перед Сбербанком, на Ленинградском проспекте. Надели мы тулупы и пробе-

гали всю ночь. У кого были машины те, конечно, грелись. Под утро к нашей колонне подошла другая колонна, размахивающая списками. Они днём составили списки и ушли домой спать. Но мы после ночёвки на улице, в январе 1991 года, свои позиции сдавать не собирались. Стояли, как говорится, насмерть. Потом явилась милиция, обнесла нашу очередь оградками и мы стали организованной очередью. Группа со списками долго не могла согласиться с тем, что мы не разбегаемся, поджав хвост. Активистка даже обратилась к милиции, чтобы та навела порядок. Милиционер ответил: «А я не вижу беспорядка. Все спокойно стоят, только вы нарушаете». Женщина не унималась: «Куда можно позвонить?» «Зачем», - спросил блюститель порядка. «На вас пожаловаться», - завопила женщина. В ответ прозвучало: «Звоните - 02». Но она ещё не знала, что стояли мы вдвоём, а к открытию банка нас стало шесть человек. К нам подошли ещё жёны и друг с женой. Когда активистка нас всех шестерых увидела и поняла, что в первую двадцатку не попадает, она завопила ещё громче и стала стучать маленьким кулачком по моей спине, как по деревянной двери, но тут наши жёны

обвинили её, в том, что женщина пристаёт к их мужьям... Я не знаю, чем бы всё это закончилось, но в это время, наконец-то, открылись двери, и первая двадцатка, в которую мы попали, вбежала в банк. Нужно было заполнять бланки. У многих бланки уже были заполнены – они сразу вставляли на получение и мы оказались далеко от начала очереди. Но, всё же, деньги мы обменяли. Обменных пунктов не было, – обменять деньги можно было только по справке о выезде за рубеж в государственном банке. Ещё проблема была с покупкой билетов на поезд. Ещё одна очередь с открытия до закрытия. Но вот, наконец, всё позади. Три пары: я, с женой Людмилой, Владимир, с женой Мариной и Сергей, с женой Викой, собрались и почти налегке: из багажа, по спортивной сумке на человека и по сумке с провизией в дорогу, наконец, сели в поезд Москва – София. Далее, в Софии, нам нужно было пересесть на Восточный экспресс, следующий через всю Европу до Стамбула. В поезде у нас было купе и два места в соседнем. Всем нашим было известно, что мы с Сергеем сильно храпим и, поэтому, никто не возражал, когда мы с ним пошли спать в соседнее купе. Как потом

выяснилось, я бледный вид имел в сравнении с Сергеем. Хотя, как то, значительно позже, я попал в больницу, из почек пошли камни. После укола днём я уснул сразу. Подушка состояла из двух ватных комков, но ночью я тоже вырубился моментально. Проснулся я от громких голосов: «Да пихните вы его!» «Поверните вы его на бок!» «Да он, вообще, на животе лежит!» Я с трудом соображал: снится мне это или я уже проснулся. Оказывается, я никому не давал спать. Я, конечно, извинился, но от этого моим соседям было не легче. Я поднялся, сказал: «Пойду, погуляю, может, вы уснёте». В коридоре гуляли больные. Я сказал: «О! Как днём!» «Да, какой-то, гад появился - храпит, как паровоз, никому спать не даёт». Я заткнулся. Утром в столовой только и говорили о каком-то гаде, который никому не дал спать. Мои соседи усмехались, но меня не выдали. Но пора возвращаться в наш поезд. Мы допоздна просидели в нашем купе, немного выпили и, наконец, с Сергеем прошли в соседнее. Там люди уже спали. Мы тихо разделись, легли и, довольно быстро, уснули. Среди ночи я проснулся от страшного храпа Сергея, сходил в туалет, возвращаясь, смотрю, а

наши соседи сидят уже одетые. Они предложили познакомиться: Андрей, Ольга и поэтому поводу выпить, поскольку тоже ехали в Стамбул. Друга, конечно, тоже необходимо разбудить. А друг храпел на всю мощь и на все лады: и хрипел, и свистел, и кричал, и причитал, и охал, потом затихал, где-то на полминуты, и с новой силой, когда все немного расслаблялись, напоминал, что силы у него ещё ого - го. Я понял, почему наши соседи решили ночью пить водку, а не спать. С большим трудом разбудил Сергея, главным образом намёками на нежданную выпивку. Без этой информации, я бы его ни за что не поднял. Спустился Сергей, приятно удивлённый, уже к накрытому столу. Проболтали до утра. На следующий день представили новых знакомых основной нашей компании. Они оказались из Красноярска, из Краслага, как они сами его называли. Хорошие ребята.

Таможня трясла всех. Но нам-то что волноваться? У нас было всего по спортивной сумке на человека и по сумочке на двоих с провизией. Моя Людмила взяла два пакета сушек. Когда таможенник увидел эти сушки, он воспринял их, как вызов – раз сверху баранки, значит, где-то

спрятана валюта или, что-то ещё хуже. Ничего! Какое расстройство. После нас он набросился на Владимира и Марину. В сумках ничего не нашёл. Раздевайся. Я заглянул в купе, что-то, долго – Владимир уже в плавках. Ничего нет. «А почему звенит?» - возмутился таможенник. «Мудозвон, наверное», - ответил невозмутимо Владимир. Таможенник, почему-то, спросил: «Ты где работаешь?» «На кладбище. Хочешь, на шару тебя закопаю?» Только после этого таможенник отстал. И перешёл свирепствовать в другое купе.

София, после отсоединения от соцлагеря и перехода в капитализм, произвела на нас не самое радужное впечатление. Наш поезд на Стамбул должен был прибыть через четыре часа. Что делать? Решили вещи сдать в камеру хранения и погулять по Софии. Разменяли немного левов и пошли гулять. Хмурая, пасмурная погода. В магазинах пусто, но дороговизна. В помещении вокзала стёкла одинарные – южная страна. Но 1991 году, когда страны развитого социализма, предпочли капитализм и НАТО, отопление ослабло, - дорого. Грязные, цыганские, албанские дети, жмутся к почти холодным радиаторам. С

ними соревнуются афроамериканцы, смешно смотрящиеся, в шапках с завязанными ушами, в грязных пиджачках, ищущих свой кусок радиатора. Свой кусок радиатора мы искать не стали, а решили немного прогуляться, а заодно зайти поесть. Мы зашли в какое-то скромное, грязное кафе, увешанное старыми, воняющими шкурами, пыльными головами кабанов и волков. Выпили по паре рюмок сливовой водки, очень напоминающей по вкусу плохую чачу и на закуску, что-то непонятное и стоило это всё гораздо больше, чем мы успели поменять левов. Пришлось влезать в баксы, - бежать до ближайшего обменника. Пришли на вокзал, прочитали, что наши билеты не дают право на конкретное место, а только на посадку. Для того, чтобы иметь места, нужно купить плацкарту. Мы подумали и решили купить, чтобы не биться за места. В плацкарте номера мест проставлены, вагон указан. Наш поезд задерживался на восемь часов: в Европе сильные снежные заносы – поезд, буквально, откапывали в некоторых странах. На вокзале холодно - начинаем сильно промерзать. К прибытию поезда замёрзли страшно. Прибыл. Нашего вагона нет. Подогнали какую-то теп-

лушку - все кинулись в неё. Кто-то из наших женщин сказал: «У нас есть билеты. Это теплушка для скота. Мы, что поедем в ней?» Все ответили: «Нет!» И не полезли. Через двадцать минут подогнали вагон с нашим номером, но он, почему-то, был битком набит пассажирами. Выхода не было – мы полезли в вагон: я – первый, за мной, кто-то из наших женщин, потом Владимир, Андрей, замыкал наш строй Сергей. Авангард нашей группы пробился в купе. Все места заняты. Я, по своей наивности, вначале подумал, что продали плацкарты по ошибке, на те же места и, поэтому обратился к публике, объяснил, что у нас есть плацкарта на эти места – вот она, а у вас? Давайте сравним, может, ошибка какая? Все молчат, головы упрямо опустили и руками вцепились в сидения. Ни слова. «Ну, что, вас бить, что ли?» - бросил я. Наши мужики агрессивно выдвинулись. По поводу мордобоя, я не сомневался, в нашей победе. Но, что дальше? В чужой стране нас заберут в полицию, потом: на сколько сильно, в пылу мы их побьём? Как бы не получилось, вместо отдыха заниматься судебными разбирательствами – нужен чистый выход и срочно. Я говорю: «Серёжа!», - он отве-

чает: «Ага!» Я говорю, уверенным в своей правоте, голосом: «Открывай окно!» Он по-армейски, без сомнения: «Ага!» Сергей, как раз, стоял в тамбуре у окна. Он открыл окно. Я, твёрдо: «Ребята, передавайте вещи!» Снял с полки чей-то чемодан, и он поплыл над головами нашей колонны до Сергея. «Серёжа! А теперь, выбрасывай его на...», - И он выбросил. Я взял следующий чемодан. Кто-то закричал: «Мои пожитки!» И кинулся к выходу. Парень убрал руки от сидения и схватился за свою сумку, которую я собирался выбросить следующей. Я спросил у него: «Мы будем драться?» Он ответил: «Нет! Я выхожу!» Взял свои вещи и вышел. Другие последовали его примеру. С улицы передавали выброшенный чемодан. Все претенденты на наши места быстро вышли. Но на багажной полке осталась часть их вещей. Они нас стали просить: «Пусть полежат. У вас же пожиток мало». Мы после такой победы были в эйфории и уже хотели было согласиться, но тут упёрся опытный Андрей. Он был категоричен: «Нет!» И всё! Потом, он нам объяснил. Турки не будут разбираться – чьи вещи. Сейчас у нас количество вещей нормальное, но если в нашем

купе будут лежать и чужие пожитки – турецкие таможенники скажут: «Амбар», - это означает: «Платите!» И если мы не заплатим за чужие вещи, то нас, как и остальных, не уплативших, выгонят вместе с вещами на улицу, а поезд пойдёт дальше без нас. Нам это надо. Нам это было не надо - мы чужие вещички выставили за порог. Кроме нашей группы были ещё люди, купившие плацкарту, но у них не было такой боевой мощи и такого штаба - они остались в тамбуре. Через какое-то время в вагон вошли таможенники и контролёры. К ним сразу бросились жаловаться, обиженные нами. Через какое-то время к нам в купе постучали. Мы сказали: «Да, да». Таможенники, вошли, сказали: «Здрасьте». Мы ответили: «Здрасьте». Людмила передала документы пограничникам, а билеты с плацкартой, с местами, контролёрам. Пограничники сказали: «Добре» и поставили свои визы, контролёры сверили билеты, сказали: «Добре! Счастливого пути!», поправили занавески, купе было со стёклами в тамбур и занавесками, закрыли двери, довольно грозно рявкнули на жалобщиков и продолжили свой путь. К ним обращались и другие обладатели плацкарт, но никто не стал помогать вос-

становливать статус-кво. Мы отправились в Турцию. В вагоне все проходы были битком забиты людьми, огромными тюками и сумками в клеточку, замотанными скотчем. В туалет пробраться было почти невозможно. Тех, кто барствовал в купе, не любили почти, как москвичей, сожравших всю колбасу Страны Советов. Проснулись от тишины. Выглянули. Какая-то станция. Написано: Эдирне. В тамбуре никого. Всех из тамбура и коридора, вместе с их вещами, вывели и выстроили на улице перед поездом. Наигрязнейшие туалеты, промыли горячей водой из шлангов. Потом по вагонам пошли таможенники. У кого в купе было много вещей, таможенники говорили: «Амбар!» и всех из купе, вместе с вещами, выгоняли на улицу. Зашли к нам. Люда передала все документы и билеты. Посмотрели на вещи: «Это всё выше? Открывайте». Люда открыла: сверху в сумке лежали, как нам показалось, радостно улыбаясь, остатки сушек из первого пакета, которые очень хорошо пошли в Софии. Таможенники поставили свои визы и вышли. Как хорошо, что мы не разнюнились, а выбросили чужие вещи. Андрей ещё рассказал, что ближе к Стамбулу, по вагонам будут ходить

Наташи – российские девчонки, работающие на турок за трусики. Наташи предлагают туристам хорошие, недорогие гостиницы, расположенные возле вещевых рынков и магазинов. Люди прельщаются уговорами и радужными рассказами о дешевизне, свирепствующей на рынках, расположенных возле этих гостиниц и следуют за Наташами. Девчонки лопухов сажают в автобусы, и те везут их чёрт знает куда. А чтобы от туда выбираться в магазины и вещевые рынки, нужно каждый раз снимать автобус и платить много денег. И гостиницы гораздо дороже, чем возле вокзала. Но выбора у них уже не будет. Вначале пошли не Наташи, а проводники. Показывали, как они постригают себе усы и просили продать им маникюрные ножницы. Потом появились рядовые турки. Им нужны были маникюрные ножницы, фены, российские часы, фотоаппараты, машинки, для стрижки, кипятильники, электрочайники и что-то ещё. И вот потом пошли Наташи: они улыбались, смеялись, хохотали, рассказывали весёлые истории, анекдоты, хвалили свои гостиницы, обещали автобус к «трапу». Мы не поддались. Действительно, на привокзальной площади стояли автобусы, в

которые Наташи расторопно заталкивали, запихивали, засовывали гостей турецкой столицы. Турки, усмехаясь, разбегались по своим домам. Скоро автобусы разъехались и площадь опустела. Остались мы – восемь человек и ещё, по отдельности, человек десять – остальных уболтали Наташи.

Действительно, Андрей опять оказался прав: вокруг привокзальной площади было много небольших частных гостиниц. Наши жёны выбрали из них самую чистую и приятную. Хозяин – крупный красивый мужчина, лет пятидесяти, встретил нас спокойно и довольно приветливо, но не заискивая, с достоинством. Номера были по восемь долларов. В крошечном лифтике без дверей, вмещающем двух человек с вещами, мы поднялись к себе на шестой этаж. Комната, метров восемнадцать, кровать большая, тумбочки, вешалка, не большая ванная с умывальником и душем, маленький туалет. Чисто. Соседи – наши же ребята. Когда оформлялись, обратили внимание: в не большом холле есть бар, стойка, столики. Решили спуститься вниз и посидеть. Взяли с собой: пару бутылок водки, колбаски свиной и сушки, которые все с удовольствием грызли, хо-

тя, вначале нас подняли на смех. Спустились вниз. Хозяина не было. Вместо него, два молодых красавца: высокие, голубоглазые, черноволосые – сыновья. Мы познакомились, спросили: «Можно ли здесь посидеть?» «О! Конечно!» Мы купили в баре пиво, попросили стаканы под водку, порезали колбаску, красную рыбку и ещё кое-что. В центре холла стоял большой аквариум с мутной водой, в которой рыбки не плескались, а как-то, вяло дрыгали плавниками, некоторые даже пытались перевернуться брюхом вверх. Вика – знаток аквариумов и аквариумных рыбок, сказала: «А почему вода такая мутная?» Остальные тоже удивились. Обычно, аквариумы хорошо просматриваются, особенно с подсветкой. Здесь тоже была подсветка, но она явно не справлялась с этой мутью. Братья хозяева, как раз, собирались менять воду: им она тоже, явно не нравилась. Муть и поведение рыбок, внушало некоторые опасения. Вёдра с мутной водой они выливали прямо в окно, холл помещался на втором этаже. Иногда снизу раздавались крики, но на это никто не обращал ни малейшего внимания. Всё. Работа закончена – аквариум пуст. В освободившуюся ёмкость хозяева стали вливать

воду из пятилитровых пластиковых, запечатанных бутылей, на которых было написано: «Distilato». Они в аквариум заливали дистиллированную воду. Даже я, далёкий от разведения аквариумных рыбок, понимал, что в дистиллированной воде жизни не может быть. Мы закричали в один голос: «No!» И на английском – немецко – франко - русском языке мы объяснили хозяевам, что «Distilato» - ни в коем случае. «А какая же вода нужна?» - поинтересовались они. «Да вон, из-под крана, если, конечно, у вас из крана течёт не морская вода и не техническая». Мы спросили: «Вашу воду, из-под крана, можно пить?» Они ответили: «Да!» - и попили. «Так, вот, заливайте её и не занимайтесь ерундой». Они с опаской залили прозрачную воду и выпустили в неё, вдруг ставших радостными, рыбок, которые сразу передумали переворачиваться пузом вверх и начали весело плавать. Сам аквариум, казалось, радостно светился. Хозяева были счастливы. Сергей предложил им водки. Они с удовольствием согласились. Мы решили взять ещё пива. Выбор был большой: европейское, все основные и неплохие местные сорта. Братья приказали бармену взять у нас деньги и

сбегать в магазин. Оказалось, что пиво в магазине в два раза дешевле. На чай он не взял категорически, принёс сдачу до копейки. Мы извинились перед мусульманами за то, что колбаса у нас свиная. После второй рюмки и бокала пива, они с удовольствием ели и свиную колбасу, и даже сало, любезно предложенное Сергеем, по рождению украинцем. Я тоже по папе - украинец, по маме - русский и обожаю хорошее сало. На следующий день с утра, мы пошли гулять по Стамбулу. Нам нужно было купить кожаные куртки, пальто, тогда очень модные у нас в России. На улице нас поразило большое количество наших людей в одинаковых кожаных пальто и пыжиковых шапках — обязательная униформа наших партийных и комсомольских работников тех лет, отоваривающихся в одних и тех же магазинах. Так вот, наши люди в подземных переходах Стамбула пытались продать танки Т-34 с дистанционным управлением и ползущих солдат с автоматами в защитной форме. Честно, таких игрушек в Москве я никогда не видел, видимо, их в то время покупали в тех же закрытых магазинах. Они с остервенением демонстрировали их технические возможности.

Как только мы вышли из перехода, к нам пристроились Наташи и мужчины, говорившие по-русски. Мужчины представлялись югославами. Вскоре мы узнали, что в Турции очень не любят поляков, поэтому все поляки всячески открещивались от своей родины. Они воровали у турецких закройщиков лекала на разную швейную продукцию, шили в Польше куртки из своей кожи под знаками турецких фирм. Как нам объяснили, кожа в мире котируется турецкая, аргентинская и испанская, имеется в виду, выделка кожи, а пошив хороший и в Италии, и во Франции, и в Англии, и в Германии. Поляки вели не чистоплотную борьбу за выживание и по другим фронтам на рынке капитализма. И Наташи, и «югославы» тянули нас каждый в свой магазин. Толпа проводников отсеялась, когда мы выбрали «югослава», глаза которого больше светились желанием, во что бы то ни стало, помочь нам. В подшефном ему магазине, очень скромные образцы нас не порадовали. Впрочем, все с удовольствием пытались всё померить, все, кроме моей Людмилы. Мы решили в Турции ей купить хорошее кожаное пальто или куртку не дешевле двухсот пятидесяти баксов. В этом ма-

газине никто ничего не купил. Пошли дальше. Из каждого магазина и магазинчика к нам кидались мальчики продавцы, уговаривали зайти. В Стамбуле, если кожа — так вся улица, очень длинная, состоящая из магазинов кожи — все первые этажи. Если золото — так тоже, вся улица. Все витрины, размером в два этажа, завалены изделиями из золота. И при этом, ни одно колечко, ни одна цепочка не повторяется на этой витрине. Ребята решили купить золотую цепочку. Выбрали. Их спрашивают: «Какой длины?» «А какой у вас есть?» - уточняют они. Им показывают барабаны и на них километры цепочек. «Сколько вам? Столько? Столько?» Кусачками: «Щёлк». Тут же соединили, «щёлк» - готово. Цепь любой длины и любой толщины. Но вернёмся к коже. Мы идём по улице в сторону центра, магазины становятся всё лучше и богаче. Людмила только смотрит, как другие меряют. Заходит в магазин, кривит губы и уходит. Мы с ней даже поссорились: «Мы приехали тебе купить, а ты даже не меришь. Как же мы подберём-то?» Она отвечает: «Это, барахло. Нечего зря деньги тратить на это». Так мы продвигались от магазина к магазину к центру, а магазины по

уровню всё улучшались и улучшались. Вначале мы видели то, что продаётся у нас на рынках за приличные деньги, здесь – это был дешёвый товар, потом было то, что у нас очень редко продаётся уже в солидных магазинах, за очень большие деньги. И вот, наконец, витрины очень приличные, к нам никто не выбегает и не приглашает, заходим, мальчики вышколены. Я не стал заходить, остался на улице. Все наши смотрят, мерят, как и в предыдущих магазинах. Людмила зашла, посмотрела туда, сюда и явно обратила на что-то внимание. Сама не мерит. Попросила Марину примерить. Я зашёл в магазин. На Марине полупальто смотрелось великолепно. Марина красивая, не худая женщина, лет тридцати. Люда попросила примерить пальто Ольгу, приблизительно тех же лет, но чуть повыше и худее – великолепно. Потом померила Вика – худая женщина, чуть постарше, но в форме и весьма красивая – великолепно. Удивительный покрой! Все женщины в одном и том же пальто – просто шикарные красавицы.

Люда спрашивает у мальчика: «Сколько?» «Семьсот пятьдесят», - озвучил продавец. Люда кивнула и отошла смотреть другие пальто, по-

том, как бы, невзначай, вернулась и снова стала рассматривать вещь. Мальчик подбежал и сказал: «Шестьсот пятьдесят». Людмила ещё внимательней осмотрела пальто и опять, как бы охладев, отошла. Мальчик снова подошёл: «Пятьсот пятьдесят... четыреста! Нет? А сколько же вы хотите?» «Двести пятьдесят», - ответила Людмила. Я внимательно следил за этим торгом. И хозяин то же. Он давно выглядывал из-за двери. И Людмила его видела, в зеркальном отражении. «Сколько? Да хозяин меня убьёт», - зашипел мальчик. Вышел хозяин и поманил мальчика пальчиком. Мальчик подбежал и поведал хозяину историю. У хозяина вначале тоже приподнялись брови, но он, совладав с собой, кивнул: «Да!» Глаза Людмилы и турка встретились и она, впервые в этом магазине, улыбнулась. Хозяин тоже улыбался. Я заплатил. В этом магазине все своим жёнам купили по куртке. Владимир и Андрей и себе купили по очень хорошей куртке. Мы пошли дальше. И увидели такие пальто и куртки, и пончо, и шляпки, и сапоги – каких мы никогда не видели. И сейчас не видим. Правда, цены для нас были не подъёмные. Мы вернулись в гостиницу. Все, конечно, разложили покупки,

стали мерить. Пришли братья, хозяева гостиницы, смотрели, щупали, ахали. «А вы, Людмила, почему не показываете?» Показала. Надела – великолепно! «Но это очень дорогая вещь!» «Двести пятьдесят». «Нет. Нет. Семьсот – восемьсот! Двести пятьдесят?! Удачная покупка!» Эта покупка нас очень выручила в Москве. Спустя пару лет стали появляться похожие пальто и даже стали модными, но это уже была дешёвая польская подделка.

Мы уехали в Турцию в январе 1991 года, а в декабре 1990 у нас случилось несчастье, вернее, большое горе. У Людмилы, после нескольких инсультов, умер отец – замечательный человек, выдающийся артист, музыкант, солист Большого театра, профессор Института имени Гнесиных, воспитавший большое количество прекрасных музыкантов, а главное – любимый муж и отец. Удар страшный для Людмилы, её матери, в прошлом великолепной танцовщицы и для всех, кто его хорошо знал. Гостеприимный, порядочный, великолепный педагог. Умер он, скоропостижно в 64 года. Конечно же, для всех близких – это был шок. 1990 год – развал, разруха, нищета и на этом фоне, молниеносное обо-

гашение немногих. Похоронить трудно. За гроб драка. Помогли друзья и с гробом, и с похоронами, и с автобусами, заказать которые было практически не возможно. И Людмила, и её мама были, естественно, в трауре. Похоронили. А на следующий день у нас Ёлки. Мы – артисты. У нас маленький театрик, детский, музыкальный. Пятнадцать артистов. На следующий день, после похорон, Людмила играет Чебурашку. Она ещё и директор нашего коллектива. На поворотной сцене Дворца культуры, мы построили декорации, состоящие из трёх секторов – трёх мест действия. Плюс, в финале опускался экран, шёл кусок из мультфильма. За это время, на сектор с зимним лесом, выкатывалась огромная, живая Ёлка. Чтобы её выкатить, нужно было поднять все штанкеты, все падуги. Ёлка вкатывалась, поднимались штанкеты и падуги, круг поворачивался точно по разметке, ёлка подключалась к электричеству, потом всё опускалось, экран поднимался. Ёлка зажигалась - шла финальная сцена. Сказка музыкальная, в ней много песен, танцев, были поставленные, довольно сложные драки, поставленные световые эффекты. Фонограмма была только оркестровая, а вокал был

живой, сиюминутный. Декорации, свет, звук, костюмы – всё было установлено и настроено заранее. Всё проработано противопожарной жидкостью. На это имелись все документы. Мы удивились, что пожарные не пришли и не проверили всё это накануне. И вот, на следующий день, после похорон, мы приехали на площадку, на которой потом мы отработали сорок Ёлок. Вначале на Ёлках идёт, так называемая, инсценировка в фойе с играми, танцами и призами. Все артисты в костюмах персонажей играют в фойе. В конце этой интермедии, Дед Мороз и Снегурочка заводят детей в зал, а Чебурашка, ушедший раньше, встречает их на сцене и в микрофон, подсказывает, где и как рассаживаться, а потом играет с детьми, чтобы собрать их внимание, к сказке. Тогда не было радио микрофонов, только шнуговые. А Дед Мороз и Снегурочка бегут переодеваться. Дед Мороз в Крокодила Гену, а Снегурочка ещё в кого-то. Так вот, выходит Чебурашка заранее из фойе в зрительный зал, а там: какой-то мужик, отодвигает приставную декорацию, с аккуратно заложенным реквизитом, двигает ёлочки, поставленные строго в определённых местах. Ясно стало, что это –

пожарник. Но пожарный был позавчера и всё проверил: и провода, и документы, и пропитку декораций и костюмов. А это кто? Тоже в форме. Кто ему позволил сдвигать декорации за тридцать секунд до прихода зрителей. И что дальше? Мы после этого полчаса должны будем при полном зале, в костюмах, в гриме снова устанавливать декорации на свои места, а потом проверять свет, звук. Когда Чебурашка увидел всё это, естественно, представил, что будет потом. И вот, Чебурашка открыл рот и матом остановил действия пожарного, того сдуло со сцены. Дед Мороз и Снегурочка завели в зал детей. Пошёл спектакль. И вдруг, в зале началось сильное задымление. Уйти со сцены, чтобы узнать, что случилось, никто из нас не может, надо ждать мультфильм, который идёт полторы минуты. Что делать? Дождались мультфильма, Чебурашка выбегает со сцены и видит: в буфете сидят пожарные – несколько мужчин. Чебурашка матом: «Сидите... а там всё в дыму! Пожарники, твою...! Откуда дым?» Побежали узнавать. На удивлённых лицах мужчин были широко раскрытые глаза и открытые в улыбке рты. От удивления многие из них не смогли тронуть-

ся с места, они вообще не двигались и смотрели на Чебурашку, как заворожённые. «Вы тут сидите... Вам на всё наплевать. А, если, пожар, кто будет детей выводить?» «Я! Я начальник района по противопожарной безопасности!» «Хрен! За тобой дети не пойдут: ты для них никто! А за мной пойдут. Я их выведу. А ты – туши. Какого... вы тут сидите? Я зал не вижу – всё в дыму. И потом у нас курящие артисты. Чтоб в одной кулисе было одно ведро с водой, а в другой кулисе другое ведро с водой, для курящих, и рядом должен сидеть пожарный, а третий должен всегда быть рядом со мной, куда я - туда и он». «На сцену что ли, хы?» «Надо будет и на сцену, твою...». Чебурашка разразился страшным, не человеческим матом и убежал на сцену, полторы минуты мультика заканчивались. Выяснилось, что рабочие жгли коробки от подарков недалеко от вентиляционного заборника. И естественно, дым попал в зал. Их сразу прогнали и дым прекратился. Но слух, о крутом Чебурашке, стал передаваться из уст в уста, пока не перерос в анекдот. Начальник пожарных оказался человеком с юмором и этот инцидент никак не отразился на взаимоотношениях между пожарными

и руководством Дворца культуры. Но на следующее утро появился журнал, и мы каждый день расписывались в нём – зачем, не знаю. И в каждой кулисе было ведро с водой и по одному человеку при ведре, а возле Чебурашки, в той кулисе, где он появлялся, тут же возникал пожарный в форме и следил за каждым жестом этого странного, страшного зверька. Потом эти пожарные с удовольствием помогали нам менять декорации, поднимать штанкеты, втаскивать Ёлку на круг. Очень хорошие ребята оказались. Я играл Деда Мороза в фойе, потом быстро переодевался в Крокодила, а на финал, пока шёл кусок из мультфильма, двигалась Ёлка, поворачивался круг, и менялась декорация, я переодевался снова в Деда Мороза. Затем проводилась финальная сцена, зажигалась Ёлочка и исполнялась финальная песня. В Крокодиле у меня была большая маска, которая снималась довольно легко и большой, полтора метра, хвост, как говорили, очень сексуальный. Хвост прикреплялся к ремню, ремень очень трудно вставлялся в зелёные штаны. И снимал я обычно штаны вместе с хвостом. А чтобы отсоединить ремень с хвостом от штанов, нужно было затратить минут

двадцать. И вот, стою я однажды уже в финале за кулисами, в костюме Деда Мороза, досматриваю мультфильм, готовый уже выйти на сцену, хочу сделать шаг вперед, не получается: что-то сзади держит меня. Я обернулся – стоит пожарный и держит меня за хвост. «Дед Мороз, а хвост ты будешь снимать?» Я забыл снять штаны с хвостом и надеть другие. Караул! Ко мне кинулись, кажется, все свободные. Я объясняю: «Хвост не отстегнуть». Меня подхватили крепкие мужские руки, перевернули вверх ногами, сняли штаны с хвостом. А другие штаны в гримёрке, а гримёрка закрыта на ключ. Мультфильм закончился – нам пора выходить. Делать нечего пошёл. Шуба длинная - авось проскочит. Вышел. Идёт сцена. Я стараюсь ногами лишний раз не мельтешить. Кто знает – с трудом сдерживается, чтобы не расхохотаться. Людмила не знала, но вдруг, боковым зрением, заметила, что-то странное – белые, голые ноги: «Не может быть». Моргнула – ноги исчезли: «Сошла с ума?!» Посмотрела: «Всё, вроде бы, нормально, откуда голые ноги?!» Посмотрела, вдруг – опять голые ноги: «Ничего не понимаю!» И вот, финальная песня, занавес закрывается, и общий хохот взры-

вает всё закулисье! К концу Ёлок все очень сдружились. Пожарные приводили своих детей, внуков. Мы фотографировались за кулисами, вручали детям, купленные родителями подарки. Все сорок Ёлок прошли великолепно.

Но вернёмся в Турцию. На следующий день пошли гулять по Стамбулу. Всюду надписи: Istanbul. Значит, мы в детстве правильно пели: «Истанбул – Константинополь, шли стилиаги, ушами хлопали». Интересно, что когда Османская империя захватила Византийское царство и столицу Константинополь - не уничтожило ни одного храма, ни одного сооружения. Христианские святыни сделали мусульманскими святынями. Мы гуляли по Константинополю – Истанбулу, рассматривали старинные постройки Босфорского царства.

В Софии я, всё же, простудился и не я один. Кто кашлял, кто сморкался, а я бегал в туалет каждые пятнадцать, двадцать минут. В России нет проблемы сходить в туалет, даже без денег, а за границей – есть! Сходил раз, сходил два – нужно менять валюту, а этой самой валюты очень мало, сильно не разбежишься. Вынимаем очередную двадцатку, двадцать долларов,

а там уголок оторван. Все цифры на месте, а уголка — нет, малюсенького такого уголочка. В банке выдали. Других денег у нас уже не было. Я всем рассказал о своей беде. Советовали разное: попробовать втюхать незаметно кому-ни-будь, выбросить, обменять в банке. Пошли в банк. Заходим. Девять окошек пустых, а в одну очередь, человек пятьдесят. Все стоят с кейсами, пристёгнутыми к руке. Мы привыкли, что из десяти окошек у нас работает только одно, поэтому и очередь. Стоим в этой очереди. Через какое-то время, видно, налюбовавшись на идиотов, нас позвали из одного из девяти окошек. Нам объяснили, что в то окошко сдают выручку кассиры разных частных организаций. Я показал двадцатку, показал оторванный уголок, и мы общими усилиями объяснили, что хотим обменять. На нас посмотрели, как на аферистов, крайне опасных для общества. Мы быстро испарились. Я думаю, если бы мы задержались, то была бы вызвана полиция и нас бы посадили в тюрьму, как валютных аферистов. Что делать? Каждые двадцать минут мне нужно бежать в туалет, а эти баксы у нас последние. Всю турецкую мелочь мы уже истратили. Захожу в туалет,

бросаю в окошко двадцать долларов. За эти деньги можно купить весь туалет. Хозяин выталкивает двадцатку мне назад, я пальцем заталкиваю её снова в окошко, двадцатка снова выползает ко мне — так продолжается несколько раз. Потом слышу: «Фх!», - и жест, мол: «Пройди». Я прошёл, предварительно забрав двадцатку. В некоторые туалеты меня так и не пускали. «Много вас тут шатается», - в этом случае звук: «Фх!» обозначал: «Уходи». Один из владельцев туалета пускал меня несколько раз бесплатно, произнося: «Фх!» - до того, как я достану свой пропуск. Кожаные куртки и пальто мы купили. Дальше, кто-то хотел купить сервиз, кто-то люстру, кто-то ещё что. Мы пошли по магазинам и, естественно, к нам пристал, без акцента говорящий по-русски «югослав», готовый проводить нас в мастерские, где делают люстры и даже место, где делают посуду. Я спросил: «Далеко?» «Нет, тут рядом», - ответил он. «А там есть туалет?» - прорычал я. «Конечно. Там же люди работают и им нужно же ходить в туалет». Мы поплелись за ним. Шли гораздо дольше моего лимита — двадцать минут. Я спрашиваю: «Когда?» «Скоро», - отвечает он. «Я сейчас

лопну», - ворчу я. «Скоро, скоро», - бормочет он. Опять идём. Долго идём. И вот, наконец, пришли. Мастерские. Здесь делают люстры, игрушки, шьют одежду. Нас повели в цеха, показали, как делают люстры и какой у них ассортимент. Я спрашиваю у «югослава»: «Где туалет?» «Да, да, здесь. Этажом ниже», - отвечает он. «А где, этажом ниже?» - рычу я. «Сейчас, сейчас», - ему, главное не пропустить: если наши будут что-то покупать, то ему положен процент. Всё! Я схватил его за шкирку и прорычал: «Туалет!» Он понял, что, действительно «всё!» и, почти бегом, потащил меня по коридорным лабиринтам вниз. Петляли, петляли и, наконец, уткнулись в дверь с надписью: «WC». Мой провожатый убежал. Я дёрнул за ручку – закрыто. Но по звукам я понял, что там кто-то есть, а не, вообще, закрыто. Находящийся за дверью счастливец кряхтел, возился, чмокал, что-то напевая, бормотал, свистел. И вот, замок опрометчиво щёлкнул, я дёрнул дверь. Турок уже стоял, но штаны ещё не надел и, конечно, не застегнул. Я подскочил к турку и выбросил его из кабинки. Успел! Запирал кабинку уже в процессе. Когда я выходил, ошарашенный турок стоял ещё со

спущенными штанами и что-то бормотал. Я вышел, улыбнулся, похлопал его по плечу, извинился на английском, на немецком и, даже, на русском: «Извини, старик». И, почему-то, добавил: «C' est la vie». Потом, как вихрь взлетел по лабиринтам на следующий этаж и примкнул к остальным, рассматривающим люстры и пьющим чай, из маленьких стеклянных стаканчиков. Кто-то купил люстру, кто-то, что-то из посуды. Нам тоже понравился один сервиз, как раз за двадцать долларов. Но наша двадцатка была, вернее её не было, без уголка - её в упор никто не хотел видеть. С неразменной двадцаткой мы прогуляли целый день, с перерывом на обед. А 1991 год был не простой: в очередной раз Америка и НАТО демократическим давлением уничтожали Ирак. Турция предоставляла свои авиабазы для бомбардировщиков - посланников мира. Садам Хусейн обещал свои ракеты выпустить по аэродромам Турции. И вот, в это светлое время, повсеместного разгула демократии, идём мы по большому мосту, вдруг, земля у всех ушла из-под ног. Мы поняли: «Садам Хусейн, всё-таки, ударил по Турции. Так не во время». Но мы ошиблись. Откуда мы знали, что Садам Ху-

сейн поверит Американцам - главным демократам, для которых соврать — это бизнес, ничего личного. Садам Хусейн поверил и не стал воевать. Но вначале мы поверили, что война перекинулась и в Турцию, а это оказался понтонный мост, который покачивался на волнах.

И вот, последний день, нашего пребывания в Константинополе. Сегодня мы садимся в восточный экспресс и едем обратно в Софию. Но у нас ещё есть время на прощальную прогулку по Истанбулу. Мы пошли вместе с Сергеем: ему нужны были подарки родным. Он положил свою двадцатку на прилавок. Продавец спросила: «Нет ли поменьше?» Он ответил: «Нет». Она развернула купюру, осмотрела её и наклонилась в кассу, чтобы набрать сдачу уже в турецких лирах. Я бросил свою двадцатку, а Сергей забрал свою. Продавец сдала сдачу, долго её перед этим считала, а двадцатку быстро убрала. Сергей забрал подарки и мы пошли. Люда вспомнила о сервисе, который нас ждал, за двадцать баксов. И мы побежали за ним. Хорошо, что вечером, накануне, мы собрали вещи. С сервисом мы прибежали в самый последний момент. Все были уже в холе, прощались с хозяевами. А вчера,

в это же время, мы вернулись, чтобы перекусить и снова отправиться в город. Заходим в гостиницу, а там какая-то очередь. Мы спрашиваем у братьев хозяев: «Откуда столько народа?» «Как, откуда?» - удивились братья: «Андрей просил сделать вызов. Мы пригласили всех, кто этим занимается. Не волнуйтесь, всех, у кого липа – выгоним». Мы стали подниматься к нам на шестой этаж. Почему-то, все сборы всегда происходили у нас. На втором этаже дорогу нам преградила огромная куча домашних дешёвых тапочек. На горе, как царь горы, сидела женщина с огромными счётами. Другие женщины считали тапочки, а она отсчитывала на счётах количество и стоимость. Братья хозяева, когда мы перемахнули через этот Монблан, спросили: «А, что держит в руках та женщина на горе, которая щёлкает?» Кто-то ответил: «Это, - русишь компьютер!» Эта штука очень понравилась нашим братьям. Потом мы сидели в номере за столом, выпивали, закусывали и по одному принимали просителей. Точнее сказать: не просителей, а соискателей. Всех претендентов с фальшивками, без настоящей печати, а просто, с отксереной, выгонялись сразу. Потом мы пошли гулять,

смотреть на вечерний Константинополь, взошли на понтонный мост и нас качнуло. Подумали – война.

На следующий день, как только мы с Людмилой прибежали с купленным сервизом в гостиницу - сразу схватили вещи и бегом на вокзал, благо, он был рядом, а не на окраине или, вообще, в соседнем городке, куда нас так усиленно ещё в поезде уговаривали поехать Наташи. Мы сели в поезд и почувствовали бешеный прилив ностальгии. Мы едем домой. В Софии разрыв между поездами был на этот раз, не очень большой. Мы, всё же, немного побродили по городу, который нам опять не понравился: холодно, сыро, промозгло. На вокзале те же негры, лежащие на радиаторах, вперемежку с албанскими детьми. Некоторые, называют их цыганскими, но они из Албании. Целыми таборами они бродят по Европе. Люда открыла сумку, достала нескончаемые сушки, на которые все с удовольствием набросилась. На вокзале мы обратили внимание: по залу ожидания, приличного вида люди, ходят от пассажира к пассажиру и что-то спрашивают. Подошёл и к нам человек с профессорской бородкой, спросил что-то, по-

болгарски. Мы не сразу поняли: «Вы не продадите сахар, может, соль, печенье, какие-нибудь консервы?» Мы очень удивились: «А, что у вас нет сахара?» Он ответил: «Бывает редко, но очень дорого, а вы, если у вас есть, может, продадите дешевле». Люда брала с собой и сахар, и консервы, и у других кое-что было. Оставили у себя только то, что может понадобиться в дороге, а остальное отдали. Люда спросила: «Ничего, что пачка с сахаром открыта и четырёх кусочков не хватает?» Он был счастлив, а когда деньги, которые он предлагал, никто не взял, расплакался: «Разве, когда мы были с Россией, такое нищенство было возможно? А этот холод, а эти негры, а эти дети?» Он, оказывается, действительно профессор – преподаёт в университете в столице. И ему очень стыдно за Болгарию. София в январе 1991года, нам не понравилась. Мы сели в тёплый, родной, советский поезд, где было так уютно. И даже наши пограничники нам показались родными. Мы благополучно добрались до Матушки Москвы.

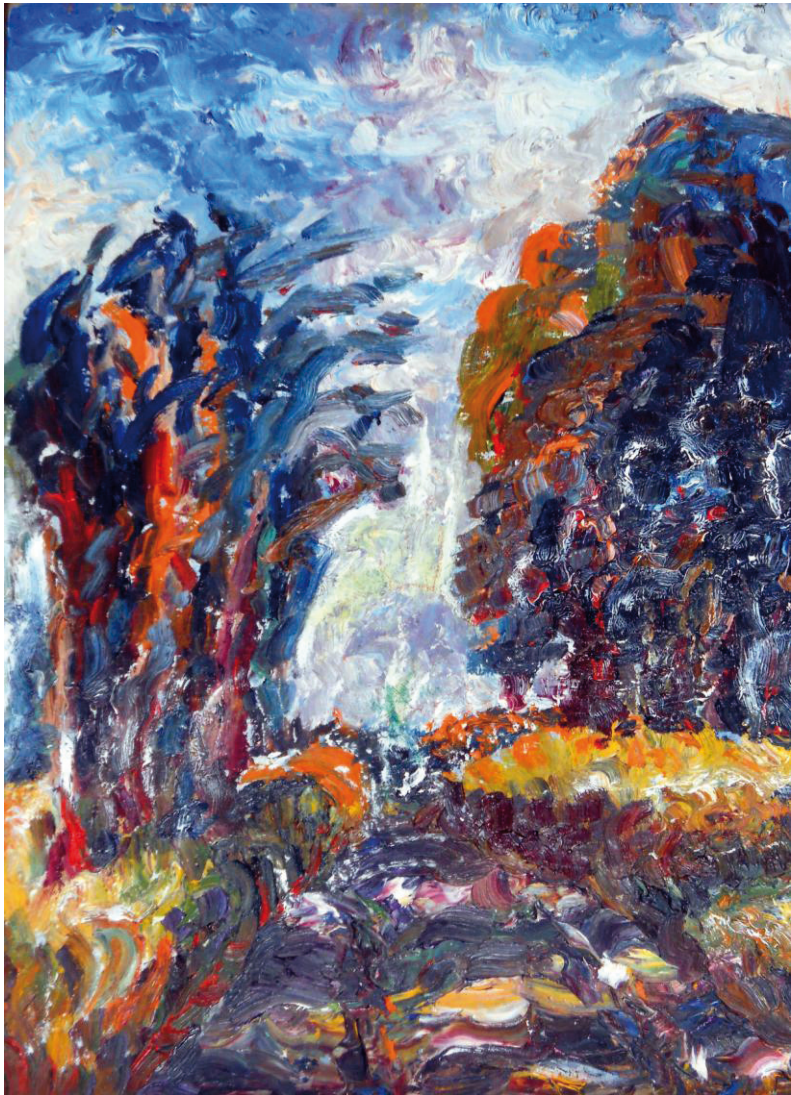
Дома мы закатили большой банкет у себя на кухне. А как нас ждали наши собаки: Дик – большой королевский пудель и Корсар – ри-

зеншнауцер. Как они радовались – хвосты чуть не оторвались.

Вот так мы узнали, что такое Ностальгия!

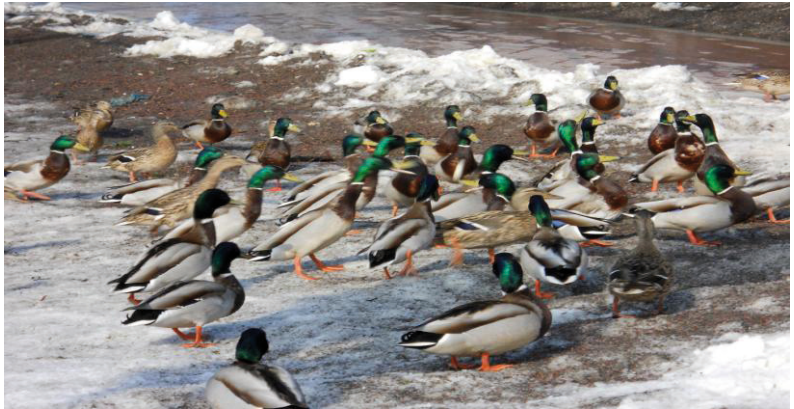
«Ностальгия» - Евгения Лесковая (1960 г.)

«Осень» - Евгения Лесковая (1965-1966 г.)

Animals

Animals

Ностальгия – такое, вроде бы, простое и понятное слово. Ностальгия, по Родине, активно берёт за глотку на чужбине сразу, как только заканчивается валюта. У них, без наличия в кармане денег, даже туалет становится недостижимой роскошью. А у нас – раздолье, особенно для мужчин, да и бедные женщины, когда выхода не остаётся... Россия – великая страна. А ностальгия по родным близким людям, которые, если живы – слава Богу, если – нет, конечно же, ушли слишком рано, несмотря на возраст? Или ностальгия по живым существам, которые любили вас, особенно собаки, кошки, скрашивали вашу жизнь, даря положительные эмоции.

Глава Арбат.

Мы жили с мамой и с бабушкой в одном из арбатских переулков, в многонаселённой коммунальной квартире. Не могу забыть эти кастрюли с замочками. Чтобы посолить суп, нужно открыть замок, сбегать в комнату за солью и другими приправами, а за это время, соседка

выбегает из своей комнаты, вливает в ваш суп с мясом флакончик валерианы и снова убегает, бесшумно прикрыв за собой дверь. Петли она всегда смазывала – прямо, тряслась, если где-то что-то скрипело. Если же ваша соль стояла на кухне, то это была уже не соль, а стиральный порошок. Если же вы принесли соль, а потом открыли замок, то соседка всё равно найдёт возможность вас отвлечь, чтобы всыпать вам в жареную картошку мусор из совка. У нас жили соседи, сильно злоупотребляющие алкоголем, так они постоянно солили стиральным порошком, макароны ели с мусором, а чай с мочой. Другая прелесть такой коммунальной квартиры – алкоголик сосед, обожающий голым спать возле входной двери, пугая одних и развлекая других, возвращающихся после работы или учёбы соседей или подружек, забежавших навестить кого-нибудь из соседей. А скользкий пол возле входной двери! Падали все! Секрет скользкой мастики так и не был раскрыт. А экономия электроэнергии: и, в связи с этим, вечно полутёмная, большая коммунальная квартира в бывшем доходном доме – какая возможность пугать бедных старушек, нарядившись привидением, а по-

том разъяснять им, что это смерть за ними приходила. А скандалы из-за тряпки с иголками, а высказывание в глаза таких вещей, после которых не все выживали. Вот к этому у меня нет ностальгии. И мои воспоминания о старой доброй и весёлой коммуналке не такие радужные, как в прекрасной комедии «Покровские ворота».

Глава Родители.

Моя мама – архитектор по профессии, художник по призванию. Она написала довольно много картин, правда, все они немного не доделаны, как она сама считала, но от этого они не были и не стали менее трогательными и любимыми нами. Конечно, воспоминания о маме, о моей любимой бабушке, всегда вызывают во мне тёплые ностальгические чувства и грусть. Вообще, наши родители, пережившие войну, наши деды, погибшие за нас, бабушки, копавшие противотанковые рвы вокруг Москвы или вкалывающие на заводах, производивших танки, снаряды – всё для фронта, всё для победы. Сейчас многие, особенно, молодёжь, воспитанная на американских сказках, считают, что наша война

и наши победы – это, чуть ли, не агитационная пропаганда. Война – это не весёлая прогулка крутых парней из Бруклина. Это, к сожалению, исковерканная жизнь наших родителей, которые кроме войны, разрухи, нищеты, голода, ничего не видели в детстве.

Глава Яшка.

В одной из комнат этой резиновой коммуналки жила молодая пара. Казалось, что им лет по пятнадцать, шестнадцать. В один прекрасный день, они принесли из леса маленького ежонка, назвали его Яшкой. Радовались очень, показывали соседям. Через какое-то время Яшка им надоел: вечно залезал в какие-то щели – им приходилось ежонка искать, потом выковыривать из-за шкафа, из-за батареи или из-под дивана и они решили его выбросить на улицу в мусорный контейнер. Моя мама узнала об этом, нашла ежонка, принесла домой, после чего, он стал жить у нас. Яшка оказалась девочкой. Днём Яшка спала, а ночью для неё наступала трудовая жизнь: она сопела, пыхтела, топала, ворчала, бегала, двигала всё, что могла передвинуть, бухте-

ла себе под нос — ночью Яшка охотилась. Яшка шумела, почти, как паровоз — конечно, при таком шуме спать было сложно. Я решил попробовать лаской: «Яшенька, — хорошая девочка, умненькая и такая красивая» - зашептал я. Топала она, топала и, вдруг, затихла возле моего диванчика. Я наклонился и погладил наугад в темноте её по колючкам. Она села на попку, как это делают собаки или кошки. Я ещё погладил — иголки опустились и она прошептала: «Ох!» Я сказал: «Моя хорошая». Она в ответ прошептала невнятно, толи: «Угу», толи: «Ах!» Я продолжал гладить. Яшка легла на бок. Я почесал ей животик: «Уох!» - прошептала она. Потом она встала и пошла, стараясь не очень шуметь. С этого момента, каждую ночь она приходила гладиться. Этот ритуал прерывался только, когда я уезжал на гастроли и возобновлялся сразу по прибытии. Через год я женился и уехал с Арбата. Потом я узнал, что она подходила к моему диванчику, топала, затихала, что-то шептала и мама ей рассказала, что меня больше не будет, что я уехал. Через месяц Яшка умерла.

Глава Пудель.

Вот, смотрю на эти замечательные мордочки: смешные и серьёзные, грустные и умиротворительные – всех их хочется обнять, погладить, сделать им что-то хорошее. А я прохожу мимо и, в лучшем случае, бурчу: «Хорошая собака». И так, некоторые смотрят, как на ненормального. Когда у нас с Людмилой было две собаки, на нас тогда тоже многие смотрели, как на идиотов: «Собачий папа! С жира бесятся! Лучше б детей завели». С жира мы не бесились: жира не было. А с детьми не повезло – нет их. Позвонил как-то друг: «Собачку хотите?» Жена спрашивает: «Пуделя?» Уж очень ей пуделя хотелось. Друг отвечает: «Пуделя». «Маленького?» - спрашивает Людмила. «Маленького. Приезжайте. Только, купите поводок: у меня – нет. Хорошая собачка потерялась. Хозяева не нашлись – год бегают по дворам. Людей любит. Приезжайте». Приезжаем на улицу Петровка, заходим в квартиру, смотрим: бегают маленькая собачка, в зубах держит верёвочку, другой конец которой, надет на шею большому, клоками выстриженному пуделю. Пудель высотой с овчарку. Люда спрашивает:

«Он?» «Он», - отвечает друг. «Точно, маленький», - задумчиво проговорила Людмила. «Его помыть и постричь надо – будет поменьше», - заверяет Владимир. «Ты бы, хоть, намекнул, мы бы другой поводок с ошейником купили. Разве, этот его удержит?», - открыл рот и я. «Да он и не тянет совсем. Вы его только здесь, в центре, на коротком поводке держите – он и не потянет». Погладили, поговорили, узнали, что отзывается на кличку - Дик. Отзывается, конечно, громко сказано. «Потом, привыкнет», - сказал на прощание Владимир. С Петровки уехать с собакой почти не возможно: никто не сажает в машину. Наконец, один собачник сжалился: «Садитесь, у меня тоже собака, дог. Только постелите что-нибудь». Сели в машину. Дик как-то втиснулся между нами, вздохнул и положил голову на колени Людмилы. Доехали. Стали мыть бедного пса. Он был весь в репьях, шерсть, сваленная в комки – пытаемся состригать, ему больно. Но, всё же, с горем пополам, постригли клоками, но все сваленные комки срезали. Дело было летом. Решили погулять. Никогда до этого мы с большими собаками не гуляли. Жили мы тогда на окраине, в Тёплом Стане - есть, где пройти с

собакой, даже со слоном. Кстати, о слонах.

Глава Ники.

После инсульта умер дядя Людмилы, моей жены – великолепный артист оперетты. Дядина жена, сразу после похорон, попадает в больницу. Нам, общие знакомые, привозят ключи от их квартиры. «С цветами, как хотите. Можете поливать – поливайте. Не сможете – не поливайте. Но там, Ника. Он вас знает», - сказали, выложили на стол ключи и уехали. Ника – это маленькая собачка – Пинчер. Такая маленькая на тоненьких лапках, всё время дрожит. Ника, среди себе подобных, был крепышом и совсем не дрожал. Хозяин его обожал, хозяйка его обожала. А гостям, не приходило в голову, относиться к этому обаятельному пёсику плохо. Встретил нас Ника спокойно: подбежал, понюхал – узнал, ушёл к себе в домик. Ему сделали, из большой коробки от телевизора, терем, положили в него кусок стёганого одеяла. У входа миска с водой. Мы полили цветы, предложили Ники погулять – он не возражал. Надели поводок. Ошейник у него не на шею, а на всю грудь. Мы подумали:

«Зачем? Тем более, он уже не молодой». На улице поняли: он тянет, как слон. Тогда мы и подумали о слоне. Он тянул, заинтересованно нюхал. Ему тогда было шестнадцать лет. Гуляли два часа. Он нас протащил далеко. Думаю, с ним так далеко давно не гуляли. В этом доме принято после прогулки мыть лапы и пузо своего питомца. Лапы мыть не даёт, кусается, лает. Мы ему объясняем: «Кто лапы не помыл – за стол не садится». Не дал лапы помыть. Независимо от этого, голодом его морить никто не собирался и его миску с едой мы, естественно, поставили на традиционном месте. Не ест. Ушёл в свой домик, лежит на своём матрасике и подвывает. Мы его, конечно, понимаем – он любимого хозяина потерял. Любимой хозяйки тоже нет. Конечно, его жалко. Ночью он вылез из своего гнезда и прыг к нам на кровать. Оказывается, он привык ночью спать с хозяевами. Мы ему объясняем: «Кто лапы не мыл – не имеет право на привилегии». Отнесли его обратно в домик. Повыл часа два. Опять пришёл, запрыгнул на кровать. Мы его опять доставили в теремок. Объясняем: «Кто лапы не мыл...» Полаял на нас – высказал всё, что о нас думает. И опять выть в домике. На

следующий день та же история: отказывается мыть лапы, огрызается, кусается, ничего не ест, воет. На третью ночь стали постукивать по батареям соседи, на четвёртую – позвонили в дверь. Все, конечно, ситуацию понимают, но какой-то выход должен быть. На пятую ночь голодовки и воя озверел уже я. Я спросил у бунтовщика: «Лапы мыть будешь?» - он меня укусил и гавкнул: «Нет!» Я спросил: «Есть будешь?» Он зарычал. Тогда я его взял за шкуру, вынес на балкон, показал ему окрестные просторы и прорычал: «Будешь хамить и не слушаться – вылетешь с этого балкона! Летать умеешь?» Он промолчал. Я вышел с балкона и понёс его мыть лапы. Лапы помыли без эксцессов, слегка, правда, огрызаясь, для порядка. Потом поел, с аппетитом, и пошёл спать в свой домик. После вечерней прогулки, в ванную зашёл сам. Выть перестал. Ночью запрыгнул на кровать – ну, как выгнать такого замечательного послушного пса, который долгие годы привык ночью спать в кровати с хозяевами – гнать не стали. Утром жена проснулась в странной позе: лежит между двух кроватей на полу, пытаясь дотянуться ухом до подушки. Я лежу на своей кровати, а этот пёс

спит на соседней, вместо жены, лёжа на спине, вытянувшись, казалось, на всю длину кровати и храпит, как извозчик. Ни разу не слышал, как храпит извозчик, к счастью, наверное. Раньше большие двуспальные кровати не продавались в нашей великой стране, во всяком случае, мы их никогда не видели в продаже. Везде были выставлены одноместные кровати, как будто у нас спали только в одиночку. Наши умельцы приворачивали ножки изоляцией, проволокой, самые хитрые – болтами. Болтами привернуть я не мог – моя кровать, а изоляционная лента не держала. Так продолжалось всегда, пока мы не съехали, в связи с выздоровлением хозяйки. Мы привязались к этому псу, замечательному маленькому дружочку. Мы стали звать его не официально – Ника, он породистый и у него, вообще, тройное имя, а с российским оттенком – Никита, Никитусик. Два раза в неделю: во вторник и в четверг, мы приезжали домой поздно: подрабатывали – занимались театральной самодеятельностью в Зеленограде.

Глава Театр.

Как ни странно, в Зеленограде, все наши самодеятельные артисты относились к репетициям очень серьёзно, очень творчески подходили к работе. Мы делали отрывки из спектаклей, спектакли, стихотворные вечера. Стихотворные вечера, посвящённые: и Пушкину, и Лермонтову, и Есенину, и вечера зеленоградских поэтов. В Зеленограде тогда многие писали стихи и очень прилично. Поставили большой спектакль «Прелестная Галатея» на сцене Зеленоградского Дворца Культуры. Спектакль прошёл отлично. Все работали с огромным воодушевлением. У нас тогда был великолепный звукорежиссёр – Александр Владимирович, он делал чудеса со звуком, когда стерео на сцене использовали очень продвинутые единицы. У нас было и стерео, и панорамный звук по всему периметру зала, и множество наложений звука. И свет мы использовали в полной мере. После «Прелестной Галатеи», которую комиссия из Министерства культуры, самодеятельной работой никак не хотела признать: самодеятельные актёры играли лучше и воодушевлённой, чем актёры наших

прославленных театров того времени. Только, когда Комиссии Министерства культуры предоставили информацию о том, что все артисты спектакля работают в местных НИИ и на заводах - представители Комиссии были просто потрясены. Второй спектакль, который мы поставили, был «Во власти времени», замечательного местного автора, Юрия Езепова. Грандиозный трагифарс в трёх актах в стихах. Я считаю, что он был написан почти на уровне Гёте «Фауст». Артисты играли великолепно, к сожалению, были отдельные технические накладки. Сложнейший спектакль очень трудно собрать с одной монтировочной репетиции. Там была и пиротехника, сложный свет, сложнейший звук, накладывающийся с восемью СТМ и прочих звукооператоров, панорама по всему залу. Световые проекции, на экраны и на боковые стены зала, выдавливающиеся проекции с центрального экрана рирпроекциями, проекции Сальвадора Дали на испарения жидкого азота. Другой экран, на который воспроизводились проекции, сквозь него, впоследствии, прорубаясь саблями, выходили повстанцы. К великому сожалению, работа сложнейшая, которая должна была принести ог-

ромное удовлетворение не только зрителям, но, в первую очередь, его участникам — оставила только горестный осадок. Эта самодеятельность держалась на хрупких плечах Людмилы Михайловны, которая отвечала в профкоме за этот участок работы. Она жила этим. И только благодаря ей, это сооружение под названием «Художественная самодеятельность», держалась на плаву. Выбрали нового председателя профкома — сына того, кто дал задание создать эту самую самодеятельность, много лет назад. А сын решил: «Зачем нам эта ваша самодеятельность? Если мы захотим посмотреть спектакль, так мы всегда можем пригласить любой театр». И решение о разгоне самодеятельности было принято до выпуска этого спектакля. Был приказ, стояли уже подписи и печати. Людмила Михайловна, просто, рассчитывала, что такое грандиозное событие в здешней, культурной жизни, убедит руководство профкома в целесообразности продления работы различных кружков самодеятельности: и хореографии, и хорового, и вокального, и драматического, и других. Но новый руководитель демонстративно не пришёл на наш спектакль. К нашей работе мы постоянно привлекали

танцевальный коллектив, а также великолепный вокальный квинтет. Ещё мы ставили на зеленоградской сцене, музыкальный спектакль, по мотивам пьесы Исидора Штока, «Божественная комедия». Зал Зеленоградского ДК забит был битком, шестнадцать раз вызывали на поклон. Мы этот спектакль спустя несколько лет, в другом, не лучшем, исполнении, показали в Московском планетарии, нам предложили работать на их площадке. Мы показались вместе с инженерами, которые им достались из скрябинской студии. Кто не знает: в скрябинской студии были замечательные люди, которые исследовали новые возможности света, световых эффектов, а также звука и звуковых эффектов. Художественный совет Планетария очень хорошо воспринял наш спектакль совместно со скрябинскими световыми умельцами. Совместно решили создать театр Сказки и Фантастики на базе планетария. Но вернёмся в Зеленоград.

Глава Никита.

Работали мы там с удовольствием. Работа не престижная – кружок самодеятельности, де-

нег мало, но творчески очень интересно. К нам ходили люди умные, грамотные и талантливые. Так вот, во вторник и четверг мы из Зеленограда возвращались поздно. Плюс, дорога – три часа в один конец. Наш Никита сидит дома один, вывести его погулять не кому. И мы понимали, что он имеет право нагадить в квартире: вечерняя прогулка задерживалась на несколько часов. А он старенький, ему шестнадцать лет. И мы, естественно, его не ругали и не собирались ругать в эти дни за лужи и не только за лужи. Возвращаемся как-то поздно, включаем свет, смотрим – лужа и невдалеке ещё подарок, а из-за дивана торчит ухо. Спрятался. Мы восклицаем: «Ах!» – ухо исчезает. Ждём. Начинает по частям появляться: ухо, потом нос, потом вся обаятельная мордочка. Он воспитан и прекрасно знает, что гадить в квартире нельзя. Но мы пришли слишком поздно – он не выдержал. Виноваты мы. Но он, чувствуя свою вину, спрятался – ему стыдно: такой взрослый, солидный пёс и вдруг, такое! Мы ему объясняем, что никто его за это не осуждает: виноваты мы сами, а Никита – хороший. Счастливый, он бежит с нами гулять, тянет, как слон. Во дворе скверик, огороженный маленькой

металлической оградкой, за ней постриженные кустики. Он тянет вдоль ограды. Метрах в пяти ограда поворачивает налево. А навстречу с другой стороны, под прямым углом, тоже, кто-то тянет своего хозяина к углу, у которого должна состояться встреча нос, к носу. И вот, этот заветный миг настал – носы встретились! Визави оказался большого роста, молодой, как мы потом узнали, эрдельтерьер, для которого встреча стала настолько неожиданной, что он моментально скакнул через оградку и кусты. И всё бы ничего, но у хозяина поводок был короткий и туго надет на руку, а пёс был большой, я бы даже сказал: «Огромный, для своей породы!» И хозяин улетел за своим питомцем. «Стой, стой, Командор! Это же, Ники – твой приятель», - кричал хозяин, а голос его всё удалялся и удалялся. Никита тявкнул, повернул за угол и потянул.

Глава Чарли.

Наш маленький Никита, почему-то, очень не любил догов. Ещё, когда дядя был жив, приходят они: дядя, его жена и Ника, в гости к родителям моей жены, Людмилы – Никита весь

перебинтован. Все, естественно, спрашивают: «Что случилось с общим любимцем?» И что, оказывается: встретились они нос, к носу с догом и Никита не смолчал, а послал дога. Догу это, естественно, не понравилось и он, ни слова не говоря, перекусил Ники пополам. Ещё немного и всё! Но вернёмся в наше время. Вышли мы погулять днём – был какой-то праздник: 23 февраля, или 7 Ноября. Никита меня сразу потянул на набережную реки Москвы. Это со стороны Киевского вокзала, если смотреть на МИД, то слева, в сторону метромоста. Тащит он меня по набережной. Смотрю, а из-за опоры метромоста, метрах в ста от нас на набережную выбегает огромный дог. Есть, такие: ростом и габаритами с телёнка. Этот был, как раз, тот самый, что перекусил нашего Нику. Дог сразу увидел нас и двинулся в нашу сторону, всё время, ускоряя шаг. Потом он перешёл на рысь, рысь сменилась галопом. Эти сто метров он проскочил так быстро, что я успел только резко потянуть за поводок вверх и, взлетевшего в воздух Никиту, поймать и засунуть за пазуху. А хозяин – успел выбежать из-за угла, побелеть и начать кричать: «Чарли, стоять!» Но Чарли уже понесло и ему было со-

вершенно наплевать на истошные вопли хозяина. Он увидел врага, которого в прошлый раз ему почему-то не дали доестъ. Если бы я победил, то Чарли пробежал бы это расстояние ещё быстрее. Я стоял, как одинокий тополёк, ждущий нападения урагана. Отдавать Никиту на съедение я не собирался, но и самому погибнуть мученической смертью – не хотелось. Я усиленно соображал: «Быть или не быть? Что делать? Кому на Руси жить хорошо?» Если эта скотина прыгнет, не останавливаясь, то я отлечу метров на десять и к появлению хозяина – он тяжело преодолевал стометровку, нас съедят обоих. Нужно этого монстра чем-то неожиданным, для него, обескуражить. И я вспомнил: «Вначале было слово!» И когда до прыжка оставалось метров десять, я очень громко и, как мне показалось, очень уверенно, сказал: «Так! В чём дело? А где твой хозяин?» Более нелепого текста в этой ситуации нельзя было придумать, а когда было думать, но разумное слово ЧЕЛОВЕКА дошло до животного, стоящего, конечно, гораздо ниже по... Радостный, победный блеск в его глазах потух и вот она первая моя победа – он не прыгнул, а начал усиленно думать: «Что я от не-

го хочу? И чего, вообще, я к нему привязался?» Я подбросил дровишек: «А где твой хозяин? Ты, что, потерялся?» Он явно хотел сесть и показать лапой в направлении своего дома, а потом и предъявить хозяина, но тут храбрый Никита гордо высунул свой нос из-за пазухи и нагло послал дога на три сакраментальные буквы: «Гав». Никита сказал веское слово и спрятался снова за пазуху. Видно, с высоты этой пазухи этот огромный дог показался ему жалким пигмеем. Во мне тогда было метр восемьдесят семь сантиметров. Дог скакнул ко мне, встал на задние лапы, передние он положил мне на плечи – он оказался выше меня на голову. Я понял: «Всё!» Но решил ещё раз использовать слово. Я, как раз в то время читал книгу Марии Осиповны Кнебель «Слово в творчестве актёра». Я проговорил несколько скороговорок, потом добавил: «Запомни, главное это вера, наив, органика. И ещё, единство времени и места действия», И завершил свою мысль словами: «И что дальше?» Видно, он сам усиленно думал над этим, а я его постоянно отвлекал своими глупостями, которые совершенно могут отравить жизнь любому животному, а не только собаке. Лично я ему со

своими вопросами был, видно, до лампочки: он жаждал встретить врага, а враг его был где-то в районе моего живота. Хорошо, что я был в пальто, с туго завязанным поясом. Никита не мог провалиться вниз, а достать его сверху не представлялось возможным. А я продолжал тормозить его интеллект: «Где хозяин? Где твой дом?» Глаз у него потух совсем, видимо он усиленно пытался понять: «За каким хреном мне так понадобился его дом?» Я продолжал давить интеллект: «Ты потерялся? А мама у тебя есть? А папа?» Тут он совсем скис – видно, на этот вопрос он ответа не знал. Просто, белый лист. Но я ещё не закончил: «Который час?» – спросил я. Вот она – сила интеллекта! Человек, конечно, царь зверей, кроме тех, кто этого не знает. Он спрыгнул с меня и встал на четвереньки. Да, рано ещё на задних-то лапах ходить. Тут хозяин поверженного животного, закончил свою стометровку, он надел на задумчивого дога поводок, пытался извиняться. Задыхаясь, что-то лепетал. Другое время было. Сейчас хозяин дога, скорее всего, начал бы звонить бандитам, слёзно жалуясь, что какой-то гад обижает его собачку. Или грозить друзьями и обещать по-

рвать, как Тузик грелку. Или, просто, вынул бы пистолет и не писал бы я сейчас эти строки. Время было другое. Я ответил на лепет хозяина дога: «Да, ладно, чего там». И пошёл дальше гулять по набережной почти твёрдым уверенным шагом. Но ощущение победы долго не покидало наш тандем. Ники высунул мордочку из-за пазухи и лизнул меня. Он всё понимал, этот Ника. Я вынул его, поставил на землю и мы пошли по набережной, гордо подняв обрубок хвоста. Тогда я впервые увидел, что собаки умеют улыбаться. Эх, Никитушка, - замечательный был пёсик.

Глава Дикуся.

Но вернёмся к нашему маленькому пудельку, клокастому, но чистому теперь, Дику. Ему, как сказал наш друг, года два. Гуляем на большой зелёной лужайке. Вдалеке пасутся ещё люди с собачками, но тут, на наш пятачок вышла женщина лет сорока с огромной овчаркой кобелём. Привлёк наше внимание их поводок — мощный ремень, метров пятьдесят. Значит, его с поводка не отпускают. Кобель увидел нас, зарычал, встал на дыбы. Дик остановился и застыл

возле нас, чуть впереди, как бы защищая. Овчарка ещё раз зарычала и рванула к нам. Хозяйка не натянула поводок, не удержала собаку, не сказала: «Нельзя!» Она вскрикнула: «Ой!» и бросила поводок, все пятьдесят метров, на землю. А, ведь, его можно было пятьдесят метров сдерживать. Мы первый раз в жизни вышли погулять с собачкой, с пудельком и, вдруг, на нас бросается монстр – машина для убийства. Самое лучшее, что я придумал, это бросить свой маленький метровый поводок на землю, чтоб дать возможность пуделю убежать от смерти. Он глянул на поводок, понял, что теперь его никто за глотку не держит и принял бой. Они грызлись с таким остервенением, клубок с их телами катался по земле, наконец, расцепился и мы увидели, как наш Дик ударил лапой с выпущенными когтями по морде врагу и зубами вцепился ему в нос. Овчарик закричал, именно, закричал человеческим голосом, вырвался и помчался в даль, Дик за ним. Мы думали, что после первой же прогулки, нам придётся хоронить нашу собачку, но тут мы воспрянули духом: наш Дик, погонявший где-то далеко овчарика, вернулся с победно поднятым обрубком хвоста, с гордо

поднятой головой и тут мы увидели, какой он оказывается красивый. Какой у него шикарный экстерьер. Потом, когда Дик чуть-чуть оброс, мы пригласили хорошего мастера и она, мастер, сделала из него такого красавца, что он сам это сразу почувствовал. На него все стали оборачиваться и восклицать: «Ах! Какой, хороший! Ах! Какой, красивый!» Почти история с гадким утёнком. Верно? Дик оказался удивительным, добрым псом. Когда кому-то из нас было плохо, он подходил, клал лапу или морду на колено, лизался, всячески старался развеять плохое настроение и часто в этом преуспевал. Зализывал плохо заживающие раны. И эти раны заживали в течение нескольких дней. Дик очень любил лес, охоту — видно, сказался его опыт бездомной жизни. Мы жили в Коньково. С одной стороны от нашего дома, через Профсоюзную улицу, простиралась зона отдыха «Узкое», переходящая в Битцевский лесной массив. С другой стороны, через три дома начиналась зона отдыха «Тропарёво». Мы гуляли с Диком и там, и там. Идём мы как-то в зоне отдыха «Узкое»: я — по тропкам, а Дик, нос в землю и вперёд, круги нарезать. Пока я проходил метров десять, он успевал

проскочить, всё обнюхав, метров сто. Вдруг, пёс встаёт в стойку, настораживается, крадётся, бросается. За высокой травой сидела большая жирная ворона. Нападения она явно не ждала и поэтому, когда перед самым своим клювом увидела морду собаки, была настолько потрясена, что закудаhtала, как курица, взяла низкий старт и помчалась по тропинке. Для того чтобы взлететь, ей нужно было подпрыгнуть, а с низкого старта ей не хватало подъёмной силы. Она быстро бежала, хлопая огромными крыльями, пыталась подпрыгнуть, даже немного взлетала, но не выше полуметра, опять шлёпалась на землю, скакала, кричала. Дик бежал следом и периодически хлопал по ней сверху лапой. Ворона падала, кувыркалась и снова бежала, хлопая крыльями, но взлететь никак не могла. Пробежали так они метров пятьдесят, шестьдесят, наконец-то, ворона, всё-таки, смогла оттолкнуться от земли, чуть-чуть подняться в воздух и с трудом сесть, на не очень высоко растущую, ветку. Она огляделась по сторонам и, наконец, почувствовав себя в полной безопасности, стала ругаться. Ворона не каркала, а ругалась. Она отчаянно махала крыльями, как руками, и настолько выразитель-

но, что без переводчика было понятно, что она имела в виду. Она вертела крылом у виска, что-то хрипло при этом орала. Я думаю: «Дурак» – самое мягкое слово, вылетевшее из её уст, если так можно выразиться. Дик сидел под деревом и откровенно хохотал. Вороны, вообще, очень интересные птицы. Как-то я обратил внимание на ворону, которая пыталась завладеть большим ведром из-под майонеза. В это ведро доброжелатель наложил всякой всячины для кошек, которые жили и размножались в подвале нашего дома. Кошкам было хорошо, тепло и люди их подкармливали. Ворона, видно, решила, что кошкам и так хорошо. Она прогнала, одиноко сидящую кошку от ведра подальше, клювом взяла за ручку, скакнула, пытаясь взлететь, но ведро оказалось слишком тяжёлым. Задняя часть её подпрыгнула, а передняя, отягощённая ведром, от земли не оторвалась. Ворона огляделась: никто не заметил её конфуза. Кошка опомнилась и привела подругу, но ворона и не думала сдаваться: она так активно набросилась на кошек, что те моментально ретировались, может, за подмогой. И тут, ворона заметила, приближающегося Дика. Она заметалась – Дика, как кошек,

не прогнать. А ведро такое тяжёлое. Она подбежала к ведру, схватила, поднатужилась и... взлетела на тридцать сантиметров, чтобы взлететь выше, не хватило подъёмной силы. И она полетела, а Дик бежал рядом – так они мотались по двору довольно долго. Бросить ведро жалко, а с ним взлететь она не может. Не знаю, откуда у вороны нашлось столько сил: она, наконец, поднялась выше, выше и с трудом дотянула до крыши электроподстанции, - одноэтажному кубу, стоящему у нас во дворе. Дик хохотал. Ворона, оказавшись в безопасности, не стала сдерживаться в выражениях, а жесты я даже постесняюсь переводить. И было абсолютно всё понятно. Всё! До последнего слова. Мне кажется, что животные и птицы, которые очеловечились, ну, которые давно живут в контакте с человеком – хорошо уже понимают его. Я имею ввиду, не только собак и кошек, но, и коров, лошадей, козлов, баранов. Да чего там, и гусей, и кур, и петухов - все они, как будто, чувствуют, с кем и как себя можно вести. Этого можно боднуть, клюнуть, укусить, а этому нужно заржать, лизнуть, хвостом повилиять. Меня даже на святом острове Кижи, конь укусил. За что? Не знаю.

Шёл конь. Вернее, его вёл мужчина под уздцы. Нас было человек пятнадцать, все мы посторонились, пропуская их. Конь шёл ровно, казалось, ни на кого не обращал внимания, а когда поравнялся со мной, наклонил голову и укусил за ногу. После чего, почему-то, радостно заржал. На острове Кизи, я был с группой художников. Они писали пейзаж, краски и оттенки которого, менялись каждые пять, десять минут, а я уходил подальше и пел. В этот период, я учился в театральном институте и занимался вокалом - за каникулы не хотел потерять форму. Многие великие итальянцы учились петь у моря: море шумит и, чтобы хорошо слышать себя, нужно петь громко, с хорошим посылом, вдаль. Голос постепенно становится не зажатым, а мощным. Я имею в виду, оперный голос. Голос должен быть настолько сильным и полётным, чтобы пробить зал, большой зал, с ложами. Между певцом и зрительным залом ещё оркестровая яма, в которой сидят сто двадцать музыкантов, играющих в полную силу. И, чтобы всё это пробить, сила голоса должна быть больше ста децибел, - это реving турбина самолёта. Можно также петь в лесу. Включаются головные, потом грудные ре-

зонаторы. Как в лесу кричат: «Ау»? Если кричать на горле, не подключая головной резонатор, - никто вас не услышит. Мы привыкли в городах говорить тихо, под себя, а для театра нужно голос вытащить — сделать его свободным, не зажатым и большим, а потом уже облагородить, сделать красивым, подвижным, способным спеть любые мелодические ходы. Это касается и певцов театров, поющих без микрофонов, и актёров говорящих в больших залах без микрофонов.

Глава Соловки.

С художниками ездили мы и на Соловки, в Белом море, в знаменитый Соловецкий монастырь. Договорились наши художники с местными рыбаками сплавать на соседний остров, не помню его названия, там ещё сохранились развалины скита, в нём какое-то время пребывал будущий патриарх Руси — Никон, который потом провёл много церковных реформ. Сняли мы две большие лодки — карбасы, не баркасы, с моторами и поплыли к соседнему острову в Белом море, которого было не видно. Плывём это мы по Белому морю в двух лодках: Соловецкого ост-

рова уже не видно, а соседнего, на который мы, собственно, и направлялись, ещё не видно. Когда, ещё у берега, моторы заработали и лодки поплыли — носы у них сильно поднялись, а корма соответственно просела: от воды до края борта осталось сантиметров десять, пятнадцать. Все, конечно, на это сразу обратили внимание. Но плывём себе и плывём. Море тихое — все расслабились, женщины опустили руки в холодную воду. Вдруг, из воды, возле самого борта, почти касаясь рук, появляется огромная усатая голова, сильно фыркает, обдавая всех при этом ледяной морской водой. Для всех нас появление этого чуда было настолько неожиданно, что мы чуть в воду не попадали. Вот тут и проявились характеры. Кто-то остался сидеть, не дёргаясь, прекрасно понимая: «Куда бежать с подводной лодки?» А кто-то вскочил, кинулся к противоположному борту и тут же эта голова возникла у того борта, а, может, и другая голова. Люди кинулись назад, лодка качнулась, зачерпнула воды. Тут уже испугался моторист, который всё предвидел и хохотал вначале, но такой бурной реакции он не учёл. На международном языке он начал орать, что потонем все, никто не доплывёт в

ледяной воде Белого моря. Да и куда плыть — берегов не видно. Бегуны испугались ещё больше — кто-то сам сел, кого-то усадили силой. И они затихли, только вскрикивали и мышцы их сильно напрягались, когда тюлени резвились возле наших карбасов. Играющие тюлени нас сопровождали почти до острова. Когда люди пугались, они были счастливы: им казалось, что люди с ними играют. Когда люди осмелели и начали смеяться — тюлени стали показывать, как они здорово плавают и ныряют. Им стали аплодировать, так они, как артисты, не избалованные аплодисментами, начали лезть вон из кожи, чтобы показать, какие они замечательные. И тюлени не собирались переворачивать наши лодки. Если бы они это захотели сделать, то сделали бы это одним небольшим нажатием на борт лодочки, с громким названием — карбас. Остров был потрясающий: со святым озером, со скитом, размером с хороший храм, с горой Голгофой и с красивым, но страшно загаженным храмом, на вершине горы. Как будто люди поднимались по извилистой серпантинной дороге на гору только для одной цели, чтобы гадить. Удивительные люди. Как можно гадить в храме, даже если этот

храм не относится к твоей вере или безверию. Это же храм. Здесь люди обращались к богу, молились, что-то просили. А кто ты, чтобы прийти и гадить? Я удивляюсь, когда люди на своих машинах выставляют дьявольский набор цифр или на своих машинах пишут дьявольские имена. Каким же надо быть наглецом, чтобы себя уподобить Дьяволу. Да кто ты? Так, песчинка в пространстве, а туда же. Как круто себя считать главным анархистом всех времён и народов. Как круто гадить в подъезде, в храме. Я не понимаю. Шииты взрывают храмы суннитов и наоборот. И те и другие мусульмане. И те и другие исповедуют ислам. Как можно осквернять храмы? Или католики и протестанты – христиане, грабили и разрушали православные храмы у нас в России и свои у нас уничтожали собственные храмы, чтобы у народа не осталось ничего святого. Или сейчас на западе придумывают, новые религии, не относящиеся ни к какому богу. Богами являются сами психологи, помогающие самоутвердиться, почувствовать себя богом и идти по трупам: «Ничего личного – бизнес» Придумывают религии под свои низменные инстинкты. И правительства в государствах принимают

законы, поддерживающие эти низменные инстинкты. С другой стороны, если государства принимали законы, оправдывающие фашизм, то почему нельзя принять законы, поддерживающие извращения. Пробраться наверх, во что бы то ни стало. Обворовал народы, сколотил себе миллиарды – герой. Победителей не судят. И тут же, в Византии, турки-османы – варвары, как их называли, не разрушили христианские храмы, когда захватили Константинополь, всё сохранили и стали молиться в них своим богам. Или в Иерусалиме, рядом и исламские, и христианские, и иудейские святыни и никому не приходит в голову рушить чужие. Или в Сирии: рядом прекрасно уживались люди, разных религиозных конфессий или народы, которые в других местах, рвали друг друга, а здесь жили в мире и согласии, до появления демократов-террористов, посланных и оплачиваемых демократами из Америки и демократической Европы. Молодцы, американцы: печатают всё новые и новые деньги, не подтверждённые золотым запасом страны – это значит, фальшивые деньги. А все счастливы. И эти, фактически, фальшивые деньги ходят во всём мире и люди стараются их как можно

больше нахватать. Америка отнимает у более слабых стран нефть, газ и другие ресурсы и наращивает мощь армии – залог демократии, а также, оплачивает пиратство и терроризм во всём мире. Уничтожает государства, создавая террористические анклавы. Создаётся армия беженцев в Европу, которые скоро её уничтожат.

По дороге от скита и Святого озера до Голгофы, нас сопровождали тучи комаров и прочей мерзости – искушали всех. И мы были вынуждены взять большие ветки и стегать ими себя изо всех сил, пока не поднялись на гору. Побыли на Голгофе, посетили осквернённый и обгаженный храм. Фотографировались. Когда начали спускаться - ни одного слепня, ни одного комара и прочей нечисти. Все выбросили теперь никому не нужные ветки – атрибут для самобичевания.

Глава Петух.

С детства меня преследовало страшное видение, которое врезалось в мою память навсегда. Я лежу в высокой густой траве, которая поднимается до неба, а надо мной и над травой, как гора возвышается огромный, яркий, пёст-

рый, страшный петух, который целится выклевать мне глаза. Я его очень боюсь. Петух уже выбрал, с которого глаза начать и... вдруг появляется рука и отбрасывает его далеко, далеко, и я вижу замечательное лицо моей любимой бабушки. Петух этот тот ещё был гад. Жили мы тогда в одноэтажном бараке. Кто-то держал кур, кто-то - гусей, кто-то никого не держал, но этот огромный петух... Он, почему-то клевал только меня. Мне три года. На мне красные трусики, жёлтая футболка и белая панама. Петух был пёстрый, яркий и огромный. Может, он во мне видел конкурента? Все дети были в сереньком и чёрненьком, а я – в петушиной гамме. Стоило мне выйти во двор, как откуда ни возьмись, появлялся этот петух и начинал меня клевать. Петух был большой, выше меня и клевал он меня в лицо, лоб, пытался выклевать глаза. Клевал он пребольно. Мои родители ссорились с хозяевами этого петуха, но тем было наплевать. Это продолжалось долго. И вот, однажды, моя бабушка свернула петуху шею. Теперь они стали ссориться с моими родителями, но на этот раз моим родителям стало наплевать. Гуси тоже кусались, но они ходили толпой и в нашу песочницу не за-

глядывали, а Петух был везде.

Глава Козлёнок.

Гуляли мы как-то с женой по Кутузовскому проспекту, почти напротив дома, где жил Л.И.Брежнев, но на другой стороне проспекта. Так вот, гуляли мы, гуляли и вдруг, нас обогнал мужчина, а рядом с ним, как собачка, бежал маленький беленький козлёнок, со смешно торчащими маленькими острыми рожками. Все обращали на него внимание, и козлёнку это явно доставляло удовольствие. Подошли они к винному магазину, из магазина очередь, хвост на улице. Мужчина уточнил: «Кто последний?» И встал в очередь, подмигнув козлёнку. Козлёнок отошёл подальше, разбежался, хозяин сделал шаг в сторону и козлёнок, со всей дури, ударил рогами последнего, кто стоял в очереди. Рога маленькие, но острые. Страшный крик разбудил сонную очередь. «Как тебе не стыдно?» - пожурил козлёнка хозяин: «Я понимаю. Ты не любишь ждать, но, что поделать – очередь!» Козлёнок снова разбежался. Пострадавший от первого нападения, вместе с хозяином сделали шаг

в сторону и... снова, страшный крик, с ненормативной лексикой, разорвал сонную тишину винного магазина. «Прекрати сейчас же!» - сердился хозяин на козлёнка. Козлёнок отошёл, разбежался... Уже три человека сделали шаг в сторону, потирая раненые места и новый крик, я бы даже сказал: «Душераздирающий вой», - потряс длинный хвост, торчащей из магазина очереди. «Ты, что, озверел? Подождать не можешь?» - возмущается хозяин. «Да, пропустите же вы его без очереди», - завопил следующий в очереди. А козлёнок продолжал разбегаться. «Ща! Всё брошу и пускать буду всяких без очереди!» Несколько человек сделало шаг в сторону, освобождая спину говорившего: «Я уже час стою. Пустите его. Ща!» И в наступившей секундной тишине, было хорошо слышно цоканье копыт, и как с чавкающим звуком, острые рожки входят в мягкое тело. После страшного крика, понеслась ненормативная, даже не лексика, а трёхэтажный мат, громкостью перекрывающий и магазинный хохот, и рёв машин, летевших по Кутузовскому проспекту. Очередь выдохнула: «Проходи!» «Да, что вы, мужики. Мы постоим. Неудобно – только пришли», - застеснялся хозяин. Очередь,

в едином порыве, сделала шаг в сторону – козлёнок промчался вглубь магазина, не встречая сопротивления. Раздался глухой удар, треск и крик продавщицы: «Где этот козёл? Будет он покупать или ждёт, когда его младший брат, сломает мне витрину?» Толпа заорала: «Бери!» И хозяин козлёнка, извиняясь, зашёл в магазин и скоро вышел оттуда с полной сумкой спиртного, подмигнул козлёнку и они пошли, не торопясь, домой. Очередь снова приняла свою привычную форму: кто смеялся, кто тихо поругивался, потирая ушибленные места, но все, как-то сдружились, разговорились. Начали вспоминать всякие истории.

Глава Ховань.

На Хованском кладбище появился такой же маленький, беленький козлёнок. Откуда он пришёл – никто не знал. Его приютили художники, делающие портреты на памятниках. Козлёнок им понравился – и они его не съели, а покрасили бронзой рога и копыта. Тут-то всё и началось: на кладбище стали происходить всякие плохие истории. Похоронила бабуля своего любимого дедулю. Плачет, часто приходит на

кладбище. И вот, как-то раз, сидит она на скамеечке перед могилкой и причитает: «На кого ты меня покинул? Что мне делать? Ну, скажи, скажи мне?» - вдруг, из венка появляется рогатая рожа и говорит: «Бе - е». Старушка - в обморок, еле откачали. После этого и других аналогичных случаев, возле ворот кладбища часто стали появляться машины скорой помощи. Потом, какой-то козёл стал нападать на гробы, покрытые красной тканью. Бил рогами, не пускал на кладбище, разгонял целые толпы родственников и друзей усопшего. Ему также не нравились заказчики, которые указывали на недочёты в работе копателей могил: «А, что-то у вас там?», - недовольный работодатель наклонялся, показывая на недочёт, и, тут же, получив под зад рогами, скатывался в могилу, видимо, для лучшего изучения вопроса. Но чашу терпения переполнила новая история, связанная с этим полтергейстом. Хоронили директора чего-то большого. Говорили о нём много и хорошо, стреляла в воздух рота солдат, играла музыка, но все знали усопшего только, как директора: и в молодости, и в старости. Наконец, один оратор, налил себе стакан водки и сказал: «Он – великий директор! Мне

кажется - он родился уже директором. И даже во время войны, он работал директором партизанского отряда. Ну, дорогой, будь здоров. И смачно выпил стакан водки. Вдруг, перед ним вырос, некто, с венком на шее, серебряные рога, глаза чистые, наивные и говорит: «Бе - е». Оратора, как подкосили. Он упал на четыре копыта, хрюкнул и скатился в могилу, вместо директора партизанского отряда. Далее, история с козлёнком обрывается. Кто-то сказал: «Кстати, о Ховани», - и рассказал другую историю.

Глава Ховань – 2

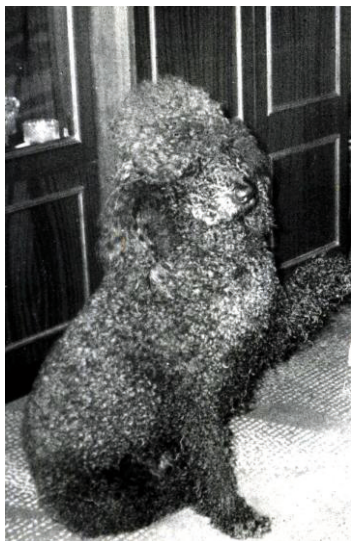
Рядом, за забором Хованского кладбища, расположилась воинская часть и в ней военные музыканты. Так вот, они постоянно разыгрывались перед репетицией, недалеко от забора кладбища. Несут гроб. За ним печальная толпа. И вот, из-за забора, труба начинает выводить: «В траве сидел кузнечик». Её поддерживает вторая труба, затем, валторна, ей помогает тромбон, потом включается туба и, наконец, барабаны и вот, весь оркестр громко раскрашивает тишину. Постепенно, печальная толпа начинает подтанцо-

вывать в такт, гроб подпрыгивает всё сильнее и сильнее, люди начинают хихикать, покойник — улыбаться. Тут музыка резко меняется. Печально звучит похоронный марш — толпа припечаливается, начинает идти в соответствии с тематикой праздника. И когда народ, наконец, осознаёт всю серьёзность события, звучит: «Возьми меня олень, в свою страну оленью», - народ начинает грустить, представлять эту страну, где все мы будем. Потом душу раздирает песенка о соседе, который играет на кларнете и трубе, потом все танцуют твист, заканчивает танцевальную программу Рок-н-ролл. В результате, натанцевавшись на похоронах, люди расходятся с кладбища пьяные и весёлые.

Глава Дикуся.

Я уже рассказывал: у нас с Людмилой был большой королевский пудель — умница, старался сделать приятное - таскал тапочки. Когда мы выходили на улицу, он почти от подъезда вставал на задние лапы, видимо, на четвереньках, обзор значительно меньше, так он шёл по двору, поворачивал за угол. На задних лапах он прохо-

дил метров пятьсот. Его фотографировали, а он тащился и позировал всюю.

Когда мы его привезли домой в первый раз: помыли, покормили, погуляли – решили прилечь отдохнуть. Кровать у нас была большая, квадратная «Ванесса». Лежим, разговариваем, подходит Дик, тихо кладёт

мордочку на край кровати – мы делаем вид, что не замечаем. Через какое-то время, довольно долгое, он рядом с мордочкой кладёт переднюю лапу и затихает, примерно, через минуту незаметно втаскивает вторую лапу и долго так стоит. Мы молчим. Потом, когда ему показалось, что мы его не замечаем, упёрся задними лапами – туловище поехало немного вперёд, затих. Потом аккуратно начал пытаться уложить заднюю лапу на кровать – с трудом получилось, осталась последняя лапа. Долго так стоял, Потом вверх по-

лезла четвёртая лапа, но никак она не укладывалась, но вот, - удача! Она зацепилась – вес взят! Все четыре лапы на кровати! Задница, правда, висит, но... Он блаженно вздыхает и мгновенно засыпает. Или делает вид. Удивительный пёс. Когда мы выходили на улицу, - ему, видимо, казалось, что рост у него недостаточный и поэтому он не всё видит, что творится во дворе – он вставал на задние лапы, осматривал двор и степенно шествовал рядом с нами на задних лапах. Потом запахи его заставляли, конечно, опуститься на четвереньки, ничего не поделаешь – нужно метить территорию.

Глава Корейцы.

Гуляли мы, как-то с ним в лесочке зоны отдыха «Узкое». Вдруг, он умчался вперёд и исчез за деревьями. Я вышел на поляну. Посреди поляны Дик играет с чистойшей, белоснежной Колли, девочкой. Они очень смешно резвились и хозяева Колли, толи японцы, толи корейцы, были в восторге. Они всё время щёлкали фотоаппаратом – снимали это чудо. Собаки скакали, бегали на задних лапах, танцевали, стоя на зад-

них и соединив передние лапы, как танцующие люди. Они танцевали вальс. И фигуры в этом танце были весьма замысловаты. Танец не был поставлен и вымучен людьми. Это была счастливая импровизация. И это было прекрасно. Вдруг, Дик, в порыве восторга, помчался вперед и с разбегу бросился в речушку, протекающую по дну оврага. Речушка сильно обмелела и была очень грязная. Колли, не раздумывая, разбежалась и за ним. Немая сцена длилась, казалось, вечность. Потом корейцы, я думаю, это были, всё же, корейцы, стали звать свою Джейн. Первым, на мой свист, вылез Дик. Счастливый, он подбежал ко мне и отряхнулся. Я это предвидел и успел отскочить за толстое дерево. И вовремя. Но корейцы. Им не так повезло - видно, у них это было впервые. Как и их белоснежная принцесса, они были во всём белом, от кроссовок до панамки — у мужчины и до бейсболки — у женщины. Их белоснежные костюмчики и чистейшая Колли выглядели несколько инородно, в этом грязном земном мире. Бедные корейцы: когда их любимая Джейн вынырнула из грязной лужи, выбралась из оврага и подбежала, они не сделали того, что сделал я - не спрятались за де-

рево. Они, просто, стояли и беспомощно улыба-
лись. И вот, совсем недавно белоснежная
Джейн, с длинной, прекрасно расчесанной гри-
вой, радостно отряхнулась. Жуть! Бедные гряз-
ные, корейцы, на их грязных лицах была напи-
сана вся скорбь корейского многострадального
народа, но блуждающая, в данной ситуации,
глупая улыбка, так и осталась, как приклеенная,
висеть на их чумазных лицах. Грязная Колли,
грязные корейцы – задача выполнена и нам
здесь делать больше нечего. Мавр сделал своё
дело – мавр может удалиться. Я свистнул. И Дик
меня сразу понял – мы, просто, растворились в
лесной чаще. Дик ещё раз пять бултыхался в ре-
чущке, поплавал он и в озере, в котором купа-
ются, ребятишки и не трезвые взрослые, с боль-
шим удовольствием. Дети и собаки с визгом
бросались в тёплые воды этого четвёртого озер-
ца из каскада озёр, который начинался на терри-
тории санатория «Узкое», Академии Наук.

Глава Брусок.

В период прохождения службы в рядах
Советской Армии, я попал в экспедицию. Экс-

педия была топографической, геодезической и буровой, в необходимой очерёдности, в течение полутора лет. Но мой рассказ не об экспедиции, а о собаках, примкнувших к нам.

Возле нашего лагеря, вернее, возле кухни, вертелось множество бродячих собак, подкармливалось, особенно в зимнее время. Их никто не гонял – было жалко. Все понимали, что особенно зимой, им не выжить без нашей помощи. Но постоянную прописку получили штук двадцать. Почти все они среди наших солдат нашли себе условных хозяев. Те их ласкали, подкармливали. И собаки их встречали с работы, мотали хвостами, радовались, ласкались, облизывали грязные лица. Сколько радости при встрече, сколько визга, сколько теплоты. Каких только имён ни давали ребята своим любимцам: и Пальма, и Мистер Шмидт, и Брусок, и Дзен, и Пилюля, и Пуля, и Штуцер, и Шустрик, и Мямлик, и Мышь – всех кличек я не помню. Каждая кличка что-то значила для хозяина. Но Пальма? Я спрашиваю: «Вовчик, почему – Пальма?» Я думаю, он сам не знал. Она была какая-то вся раздрызганная. Пальма была ещё маленькой девочкой. Серый окрас, длинные уши, лапы большие, сама очень

неуклюжая, какими бывают щенки крупных пород, может, дога. Уши развиваются на ветру, она бежит вперёд, но смотрит назад, вдруг, что-то увидела сбоку – хочет остановиться, но ноги продолжают бежать вперёд и она падает. Падает очень смешно, неуклюже, вызывая общий хохот. Встаёт очень грациозно, как девочка, знающая уже, что такое обаяние, но опять, несоответствие физических действий и желаний, вызывает падение и, естественно, смех. А, может, она это делала сознательно?

Мистер Шмидт, был не красивый, маленький, кривоногий, уши большие, но стоячие, как лопухи, нос и прикус, как у мопса, нос курносый и выступающая нижняя челюсть, но бегал довольно быстро и своего куска никому не уступал. Зато, какой он был ласковый со своим хозяином, как радовался его возвращению с работы, как играл с ним.

Но лучше всех был общий любимец Брусок. Он был самый ладный – чёрно-белая дворняга. Брусок был явный лидер даже среди собак, больших размеров, чем он сам. Он первый лаял на чужих, первый чувствовал, что едут наши, не боялся ни машин, ни тягачей, любил спать в

машине или под машиной. Однажды мы грузились в машину ЗИЛ 157, бортовую. Брусек вертелся под ногами, - помогал грузить, повизгивал, мотал хвостом, пытался запрыгнуть в кузов, всем своим видом показывая, что хочет с нами. Я его посадил в кузов. Он радостно визгнул и побежал ближе к кабине. Сразу раздались голоса: «Зачем Бруска забираете? Он потеряется! Вы его где-нибудь бросите». Но мы заверили всех оставшихся, что за нашего Бруска сами всех загрызём. И мы поехали. Брусек сразу изъявил желание видеть дорогу. Пса взяли на руки, но держать его было неудобно: самим держаться надо. Дорога была...Вернее сказать, дороги, собственно, и не было. Просёлочные дороги, особенно в глухомани, где мы и находились, называть дорогами можно было только с большой натяжкой. Сидения были по бортам, но мы никогда не сидели. Девиз наших водителей был: «Больше газа – меньше ям». И поэтому, сидящий, рисковал вылететь из кузова на очередном ухабе. Все стояли и крепко держались за кабину и за борта, а роль амортизаторов выполняли собственные ноги. Поэтому самому держаться и держать тяжёлого Бруска, было очень сложно. И

тогда осенило: мы поставили Бруска на кабину. Его, конечно, держали за задние лапы, но это было гораздо проще. Было видно, что наш Брусок счастлив. Он улыбался, лаял на редких прохожих, с упоением вдыхал ветер и был в восторге от скорости. С тех пор он не пропускал ни одной поездки. Он караулил возле машин и сразу оказывался в кузове, там он требовал, нет, просил поднять его на крышу кабины водителя. Заехали мы раз в какой-то посёлок, зашли в магазин, а Брусок остался сторожить машину. Выходим, видим свалку из десяти, пятнадцати собак. Мы сразу поняли, что бьют, наших – мы отважно бросились на защиту нашего Бруска. Собак было много и некоторые из них смахивали на волкодавов или московских сторожевых, Мы хватили собак за холку и за шкуру на заднице и кидали их через головы. Здоровые собаки явно не привыкли летать через головы, метрах в трёх над землёй и пыл у них быстро упал, мелкие так и норовили схватить за ноги, но получив свою порцию, и они постепенно успокоились. Стоим мы возле машины и рядом с нами подранный, но грозный Брусок с гордым видом облаивает уже не страшную для него свору. А когда его подня-

ли на кабину, предварительно смазав раны зелёной, наш зелёный Брусок с таким превосходством посмотрел на стоявшую внизу свору. Некоторые из наших ребят, потом утверждали, что он даже сплюнул через зубы. И машина тронулась в путь. Мы долго ехали по просёлочным, грубо говоря, дорогам. Брусок гордо возвышался на кабине. Он мчался вперед в неизведанные дали, а они оставались в своём неизменном грязном бытии. Мы въехали в лес. Воздух, сбивал с ног обилием кислорода. Картинки полянок, прудов, рек, берегов, лесов напоминали полотна: Поленова, Шишкина, Куинджи, Левитана. Круто. И вот, едем мы по лесной дороге. Ну, дорогой её назвать было смело. Всё заросло. И мы руками дружно отбивались от разросшихся кустов и низко растущих веток деревьев. И вот, одна здоровая ветка зацепилась за бампер с лебёдкой и оттягивалась, как катапульта и вот, вот должна была выстрелить. Все, конечно, ждали развязки – надо, ведь, успеть увернуться, а то, от такого удара можно и дуба дать. И вот, она выстрелила – все быстро нагнулись, и ветка просвистела, вроде, никому не причинив вреда. Ветка просвистела, все подняли головы. Чего-то

не хватает. И почти одновременно закричали: «Брусок! Где, Брусок?» Остановили машину, прыгнули, побежали назад и увидели в грязной луже, придавленного обломками ветки, захлёбывающегося нашего героя Бруска. Вытащили, помыли в речке, медик опять поработал. Храбрый Брусок сам запрыгнул на кабину и машина тронулась. Мы, конечно, всем рассказали эту историю и после этого случая, все страшно зауважали нашего бесстрашного друга – Бруска. А он после этого стал сам запрыгивать в кузов, а потом на капот и ни у кого не поворачивался язык, отказать ему в этом.

Глава Соседи.

У нас, в Коньково, на лестничной площадке, четыре квартиры. В одной квартире жила пара спортсменов. Она – спортивная гимнастка, кажется, мастер спорта, он – штангист, тоже кажется, мастер спорта. Он остался на кафедре института физкультуры защищать кандидатскую диссертацию, кажется, на тему: «Рывок в Народном хозяйстве» или «Жим лёжа, как результат работы сельского хозяйства за годы пятилет-

ки». Очень хорошие ребята. В другой квартире жила пара: она – актриса, окончила ГИТИС, но вышла замуж, плюнув на карьеру. Кстати, могла быть хорошей актрисой: у неё энергетики на пятерых. Муж представился: «Работаю на кладбище - копаю могилы. Хочешь, и тебя закопаю?» Оказался очень умным и образованным человеком. Ещё в одной квартире, мы долго не могли понять, кто же, всё-таки, живёт? Из той квартиры к нам заходило много людей – приятных и весёлых. Но чаще других у нас бывал Николай, ветеринар – так он представился. Роста он был под метр девяносто, здоровый красивый мужик. Потом он пригласил Сашу, художавого мужчину в очках. Саша и оказался хозяином квартиры. Тоже очень приятный человек. Любил веселье, смех, песни. Пишу: «Любил» не потому, что он, не дай Бог, скончался – ни в коем случае. Дай ему бог здоровья. Он, просто, женился, продал квартиру и переехал. У него было много хороших друзей, к нему заходило много красивых и очень красивых девушек. Он женился на девушке из города Семипалатинска. Она, не знаю почему, постаралась всех его друзей отвадить, а заодно и соседей. Собак она не любила: «От них

одна грязь». И, вдруг, она просит нас достать ей щенка, но только ризеншнауцера. Саша - её муж, говорит: «К нам домой? Ни в коем случае».

Глава Корсар.

Все соседи относились к собакам тоже безразлично. Они считали, что от собак – грязь. Так вот, просит она щенка ризеншнауцера, но не для себя, для брата. Попросила раз, попросила два, попросила три – мы позвонили своему другу, который постоянно возился с собаками, именно он подарил нам Дика. Он и бездомных собак подбирал, лечил их и, затем, пристраивал. Он обещал узнать. И вот, он звонит и говорит: «Щенок есть. Но хозяйка хочет посмотреть, кому она передаёт на воспитание малыша». Мы объясняем, что это не нам. Мы и до этого говорили, что берём для соседки. Через час они позвонили в дверь. Открываем. Стоит наш друг Владимир, рядом приятная женщина и на руках у неё - чудо, возлежит крупный щенок с большими лапами и большим чёрным, как сказала Людмила: «Ни разу не надёванным, носом и такими же подошвами на лапах». Мы завопили в

один голос: «Какой хороший!» Его посадили на пол. Он прошёлся по квартире, всё обнюхал, поздоровался с Диком и наделал лужу. Его ещё никак не звали и ничему пока не учили, но прививки сделаны. Мы позвонили соседям, для кого мы брали щенка, но их ещё не было дома. Мы обычно виделись каждый день, вернее, каждый вечер у нас собирались все соседи. Приходил, естественно, и сосед Саша, а за ним вынуждена приходить и его жена. Она приходила следить, чтобы его никто не спаивал. Но она не пришла в этот вечер, не пришла и на следующий. Она пропала на три месяца. Через неделю зашёл сосед Саша – целую неделю он тоже где-то пропадал. Мы рассказываем ему про щенка. Он объясняет: «Я же говорил, что у нас дома собаки не будет. Про брата ничего не знаю. Её дома нет, где она – не знаю». Она пряталась – это мы поняли. Через три месяца мы поняли, что щенку нужно давать имя и, наконец, обучать его, если уже не поздно. Он откликнулся только на имя Корсар. Как он смешно изучал мир: полёт бабочек, движение кустиков. У него был старший товарищ, Дик, у которого он многому научился. При первом их общении, Корсар, видно принял

Дика за мамку – решил сиську пососать и очень удивился, когда получил от Дика затрещину. У нас в квартире на полу был постелен линолеум. Так, что после удара Корсар отлетел метра на три. К нам часто заходил друг Саши, Николай, ветеринар – потрясающий человек. Он впоследствии, нас страшно выручал с собаками. Мы с Людмилой часто уезжали на гастроли по стране с детским музыкальным театром «Тили - Бом». У нас дома кто-то, конечно, оставался жить, чтобы кормить и выгуливать собак. В определённое время, раздавался звонок в дверь, на пороге стоял Коля. Он молча заходил, доставал из своей огромной сумки, всё, что нужно и делал вовремя прививки собакам. Он сам, по своей инициативе, бесплатно следил, чтобы наши собаки не болели. Потрясающий человек. Корсар обратил внимание на то, что, когда Дик метит территорию, то поднимает заднюю лапу, а сам Корсар пока садится, как девочка. Он начал тренироваться. Поднимает лапу, ничего не происходит. Поднятая лапа, не вызывает желания метить. Как же добиться координации? Ходил задумчивый, пробовал, наконец, получилось. Подошёл к дереву, поднял лапу, облокотился на

дерево и... всё в порядке. Но, что-то, не то. Дик делает это, как-то по другому. Сообразил: Дик пишет на дерево, он – в противоположную сторону. У нас во дворе гуляли две борзые собаки, худые с согнутыми спинами. Но, когда они бежали, то вытягивались в струнку, задние лапы приземлялись перед передними, отталкивались и все четыре лапы вытягивались параллельно земле, полёт, передние лапы коснулись земли, всё туловище сжалось, задние лапы приземлились перед передними, толчок, вытянулись в струнку-летим. Прекрасно! И Дику тоже понравилось. Он перенял у них манеру и бегал очень быстро, может, не быстрее борзых, но быстрее всех остальных. Ризеншнауцеры бегают, как козлята – скачут, не вытягивая ног. Но Корсар учился у пуделя, а пудель учился у борзых. И наш Корсар стал быстро бегать, почти, как борзые. У нас в зоне отдыха «Узкое», был большой овраг, по которому текла речушка. Высокие берега оврага засажены деревьями. И вот, по этим берегам Дик любил бегать вверх и вниз с огромной скоростью. Корсар во всём старался подражать Дикку. Дик несётся вниз, уворачиваясь от стволов деревьев, Корсар - за ним, правда, от деревьев он

поначалу уклоняться не успевал, поэтому бился обо все препятствия, но продолжал бегать за Диком, пока не научился. Прыгали они и через речку, в некоторых местах, довольно широкую, правда, Дик – через речку, а Корсар – в речку, но он и это освоил. Научился и ворон гонять. Замечательный пёс! Наш, Корсарушка! А та, которая заказывала ризеншнауцера, появилась через три месяца. Мы спрашиваем: «В чём дело?» «Нет, брату не нужна собака», - ответила она так, как будто, это мы её упрашивали взять собаку. Так у нас появился второй замечательный пёс. Обожаю собак – умнейшие животные.

Глава В электричке.

Заходим мы как-то в электричку. Вся электричка забита людьми, а один вагон полупустой – мы, конечно, вошли в него. В вагоне, в каждом секторе сидит солдат и лежит на полу овчарка, на остальных сидениях никого – все боятся собак. Мы – это десять артистов, едущих на выступление в пионерский лагерь, спрашиваем у солдата: «Можно нам сесть?» Он отвечает: «Можете, если не боитесь». Мы с Людмилой

подошли ближе, посмотрели на собаку. Пёс глянул на нас серыми злобными глазами и зарычал. Я говорю собаке: «Привет! Ты не будешь возражать, если мы тоже сядем?» Пёс промолчал. Мы с Людмилой аккуратно вошли и сели. Моя нога, как раз, возле морды собаки. Пёс зарычал. Я говорю: «Ну, извини. Нам тоже нужно посидеть». Когда пёс оскалился, мы заметили, что у него нет одного клыка. Мы спросили: «Почему?» Оказывается, предыдущий хозяин демобилизовался, а он воспитывал пса со щенка – и пёс воспринял это, как предательство. Нового хозяина он никак не хотел признавать – солдатик показал нам свои искусанные руки. А клык он потерял, кусая прутья клетки. Остальные наши артисты, тоже, как-то, расселись. В поезде было очень жарко, а мы с собой взяли фляги с водой из-под крана. Мы предложили налить собаке, пояснив, что вода из-под крана, а не сладкая и газированная. Уточнили, что у нас у самих две собаки, и мы знаем, что они пьют. Мы сами попили, солдатiku налили. Он сам попил и достал собачью миску. Мы налили. Пёс с жадностью выпил, ещё налили – выпил. Глаза его подобрели. Мы поговорили с собакой: пожалели – хозяин уехал, ос-

тавил маленького, хорошего. Но новый хозяин не виноват – он хочет подружиться. Вам нужно работать вместе, а если вы не будете дружить, то ничего не получится. Солдатику мы посоветовали попробовать по доброму с собакой – псу тяжело: он воспринимает всё, как предательство. Пёс положил голову мне на ногу. А когда мы выходили на своей станции, голова пса лежала на коленях у нового хозяина, который ласково гладил его по голове. Собаки – удивительные создания. Даже хомяки.

Глава Хомяк.

Наши друзья уезжали отдыхать и попросили нас посмотреть за хомяком. Привезли нам клетку, объяснили, как кормить, оставили корм с запасом и уехали. Объяснили, что хомяк очень любит творожок. Яблоки – вот сюда, крупу – вот сюда, творожок – вот сюда. Так получилось, что творог на следующий день мы не купили. Яблоки всунули между прутьев – так он любит. Принёс я свежую водичку. А хомяк стоит на задних лапах, руки в боки и с возмущением показывает на яблоки. Яблоки он вытолкнул наружу, видно,

не тот сорт. С возмущением жестикулирует и что-то попискивает. После того, как всё объяснил, пожурил, ушёл в свой домик, зарылся в зерне и уснул. Зерно он себе запасал всюду. Уносил, прятал. На следующий день я купил творог и разложил его, на предназначенном для этого месте, но, видно, не рассчитав, положил слишком много. Когда хомяк увидел эту гору, он лёг на неё, обхватил её всеми четырьмя лапками, издал звук, похожий на: «Ах!» и вгрызся в неё, казалось, всей головой и отвалился только, когда всё съел. И по его довольному виду было понятно, что жизнь удалась. Но, видно, сил больше не осталось, да и живот очень мешал – уснул, прямо, здесь. Обычно он спал в своём домике. Потом мы подружились. Я пытался ему подсовывать разные продукты на пробу, а не только входящие в список: Груши, кабачок, арбуз, баклажан. Что-то он ел с удовольствием, что-то, выбрасывал, а что-то, закапывал - такой, смешной. Любил иногда поболтать. Встанет на задние лапы и давай жестикулировать, при этом, попискивает – весёлый.

К нашему знакомому ветеринару приходит мальчик лет 16-17 с клеткой, в ней хомяк. Про-

сит помочь хомяку, его надо вылечить. Он уже 12 лет живёт в семье. Скоро должны придти с работы родители, а хомяк умирает. Врач посмотрел на хомяка и говорит мальчику: «У тебя замечательные родители. Хомяки живут всего 2-3 года. И, чтобы ты не переживал, твои родители каждые два, три года, не говоря тебе, покупали нового хомяка, поэтому он и прожил 12 лет. Твой хомяк умер. Если не хочешь огорчить своих родителей - иди, похорони хомяка и беги на птичий рынок. У тебя деньги есть?» «Есть», – сказал повзрослевший мальчик: «Спасибо».

Наши собаки, практически не болели, благодаря стараниям нашего друга ветеринара Николая. Так, иногда расстройством желудка и всё. Корсар у нас умер в восемь лет. Мы подозреваем, что он на улице съел отраву, предназначенную для крыс. Здоровый, крепкий, много бегал и, вдруг, за сутки. У нас во дворе, в тот период, так умерли три собаки. Я не думал, что так тяжело будет с ними прощаться. Дик у нас умер в восемнадцать лет восемь месяцев. И не от старости, а от болезни. Очень тяжело их терять... Собачки – удивительные создания.

Глава Зоопарк.

Помню, мы учились в школе, классе в пятом. Как-то, наш класс повезли в зоопарк, дабы приобщить детей к жизни животного мира. Четверо мальчишек, из них трое: Вова, Лёша и Коля жили в одном доме и я – в соседнем. Доехали от метро Алексеевская, тогда она называлась – Мир, до метро Краснопресненская без приключений. И вот, мы в зоопарке. Вова взял с собой блокнот, чтобы сделать наброски животных – он тогда увлекался рисованием. Но в этот день ему явно не везло. Пока он набрасывал пеликана, на него сверху нагадил голубь и не один, судя по количеству экскрементов. Почистив нашего друга, пошли смотреть моржа. Возле бассейна, в котором он резвился, было сыро, а вокруг собралось множество хохочущих людей. Мы с трудом протиснулись к оградке, защищающей моржа от слишком назойливых посетителей – моржа нет. Вова достал блокнот, готовый сразу зарисовать водоплавающее, как только оно появится. Морж вынырнул из тёмной воды абсолютно неожиданно и только на секунду. Толпа моментально бросилась врассыпную, мы, быстро поняв пра-

вила игры, - тоже, и только Вова, занятый своим блокнотом, не разобравшийся в ситуации, остался один на один, с очень довольным водоплавающим. Морж лапами выплеснул на обалдевшего Вову с полтонны воды, а потом фыркнул в него же струёй, как из пожарного шланга, которая смыла нашего стойкого художника, и снова скрылся под водой. Радостная толпа опять обступила бассейн с весёлым животным. Немного просушив товарища, радостно объяснявшего, что у него осталась ещё сухая бумага, мы отправились смотреть: тигров, львов, пум, ягуаров, волков, лис и прочих леопардов. Вова сделал несколько набросков тигра, которому очевидно не нравилось занятие нашего друга. Нам казалось, что он ревностно пытался рассмотреть Вовины каракули, но ракурс был не удобный. Волк всё время ходил, лиса металась, но тут Вову привлёк лев, сидящий в одной клетке с собачкой. Лев был спокойный, уверенный в себе. Он не бегал по клетке, не рычал на посетителей, не пытался заглянуть в чужие альбомы, на вспышки от фотоаппаратов, реагировал спокойно. Володя сказал: «Вот его я нарисую точно». И приступил. Насупил, язык закусил. Мы обошли по три

раза все клетки, пообщались со всеми животными, но наш друг увлёкся, его понесло. Он урчал, притопывал ногой и рисовал, рисовал. Говорят: «Служенье муз, не терпит суеты». Он и не суетился. Он творил. Репин. Айвазовский. А Льву, то ли рисунок не понравился, то ли он устал от слишком долгого, пристального внимания к своей персоне. А, может быть, он подумал, что наш Володя задумал отнять у него собачку, но только он, как-то, развернулся боком, и струя, под напором, как из шланга, окатила нашего друга и его творение. Лев заднюю лапу не поднимал, как это делают собаки, поэтому всё это было очень неожиданно. И блокнот и Володя сильно промокли. Шедевр не подлежал восстановлению. После умывания, наш художник вынужден был выбросить альбом. Мы сказали: «Зря! Всё-таки, память». Немного посочувствовав, пошли смотреть обезьян. Там мы снова соединились с нашим классом, который не ходил смотреть моржа. Учителя, видно, понимали, что сухой класс лучше, чем мокрый морж. В зоопарк недавно завезли большую партию мартышек. Аборигены вели себя достойно. Снисходительно позировали, бананы принимали, как должное, как оплату

за свой непосильный труд. Новенькие же были худенькие, суетливые и сексуально сильно озабоченные. Что они только ни вытворяли. Но, к сожалению нас — мелюзгу, быстро потащили к белым медведям. Некоторых от клеток отрывали силой и на дурацкие, наивные вопросы не отвечали. Тогда не было никаких установок по поводу полового воспитания детей и подростков. Белым мишкам было очень жарко и они почти не вылезали из воды. Только иногда нехотя за очередным брошенным им сувениром. Перешли к слонам. У слонов появился маленький слонёнок. Смешной малыш был всё время возле мамы или под мамой. Он свободно проходил под ней. И, вдруг, я не поверил своим глазам: из живота слона, поближе к задним ногам, вылезло бревно, почти до земли. И только, когда из бревна, как из брандспойта, хлынула под огромным напором «вода», я понял, что это. Мамы и педагоги сразу стали девочкам закрывать глаза. И нас быстро увели. Показывать, что тебе это интересно, тогда было не прилично. Мы сделали вид, что нас этим не удивишь — каждый день видим. У слона?! Повели в террариум. Змеи и прочие гады мне никогда не нравились. Вышли. На улице

стоят большие стеклянные клетки, в которых живут большие удавы, питоны. В одной - питоны лежат под рефлектором, не двигаясь, возможно спят. В другой - один под рефлектором, а второй удав у входной двери, поднялся вертикально по откосу и навис над входом. Мы смотрим: женщина убралась перед входом в первую клетку, открыла её, зашла, положила на лоток мясо, вышла из клетки и пошла ко второй. Мы поняли, что удав из второй клетки решил на неё напасть. Мы бросились к служебному входу, с трудом до неё достучались, а потом, с не меньшим трудом, смогли ей объяснить, в чём дело. Она изменилась в лице, рассказала, что этот гад уже на неё нападал, но тогда рядом были сотрудники, они её спасли, а сейчас она одна. И пока бы бегали, звали на помощь, пока бы пришла эта помощь. Она позвала двух мужчин сотрудников. Те пришли с приспособлениями, спихнули его и еле отогнали от двери. Он бросался на них. Потом, поняв, что его хитрость не удалась, уполз под рефлектор и затих. В клетку положили мясо и все разошлись. Смотреть на неподвижных удавов было не интересно, и мы стали смотреть по сторонам. У вольера, где до-

вольно вольготно расположился страус Эму, а в соседнем вольере — жуткая птица Марабу, собралась большая толпа. Ну, страус, он и в Африке страус, а Марабу — не птица, а крокодил какой-то: глаза у неё кроваво-красные, ноги кривые, корявые, а клюв, как меч у римских гладиаторов. Что же произошло? Оказывается, летела утка и решила сесть на решётку, разделяющую вольеры страуса Эму и Марабу. Эти два крокодила незаметно подкрались, не представляю, как им это удалось — каждая из них размером почти с лошадь. Так вот, они подкрались и схватили утку: страус Эму — за шею, а Марабу — за задницу. И стали рвать и тянуть каждый в свою сторону. Народу было много и нам никак не удавалось протиснуться на местечко с хорошим обзором. Наконец, мы нашли точку, откуда битва открывалась, как на ладони. Со стороны вольера с верблюдами было хорошо видно и толпы не было. Только один фотограф старательно снимал хорошим фотоаппаратом с большим объективом эту арену гладиаторов. Верблюдов любили и часто подкармливали, поэтому они привыкли к вниманию и если кто-то подходил к их вольеру — они посетителя тоже достаивали вниманьем.

Верблюды подходили поближе, не торопясь поворачивались, показывая, какие они красивые, при этом улыбались, демонстрируя зубы и затем, подходили ближе, принимать дары. Верблюд выполнил все условия: он ходил, поворачивался, улыбался и, наконец, подошёл ближе, рассчитывая на вознаграждение. Мы давно заметили его маневры и намекали мужчине, указывая на верблюда. Но фотограф, толи сильно увлёкся процессом съёмки, толи решил не обращать внимания на всякую мелюзгу – он никак не среагировал на наше предупреждение. А довольное собой животное было уже рядом. Мы пожалели, что у нас не было с собой никакого завалящего фотоаппарата. С такого расстояния любая мыльница бы подошла. Тогда мыльниц не было. Были только Смена, Зенит, Зоркий, ФЭД. Верблюд наклонился к лицу человека и, толи лизнул его, толи сказал что-то, только, мужчина обернулся и в сантиметре от своего лица встретился с восхитительной, улыбающейся мордой. Верблюд явно не ожидал такой реакции: мужчина заорал нечеловеческим голосом, уронил фотоаппарат в вольер, сам упал на грязную землю, начал биться в конвульсиях. Потом он вскочил и

стал пытаться доставать из вольера свой замечательный аппарат. Он бы это сделал без особого труда, если бы его всюду не встречала довольная морда верблюда. Он, видно, решил, что человек решил не кормить его, а поцеловать. Верблюды были не голодные и, я думаю, они предпочли бы поцеловаться с человеком, нежели, получить в подарок кусок хлеба. И тогда мужчина совершил непростительную глупость: он нашёл какую-то корягу и решил ею отогнать наглого верблюда. Пока верблюд думал, что с ним играют, прежде чем поцеловаться – всё было предельно корректно, со стороны верблюда, но, когда мужчина его ударил, верблюд понял, что встретил не того человека и сразу обиделся. Он поднял гордо голову, отошёл недалеко, метра на три. Мужчина довольный перегнулся через ограждение и достал свой замечательный фотоаппарат. Потом он стал пробовать затвор, а верблюд стоял и жевал. Вначале нам показалось, что он улыбается. Но потом верблюд плюнул. Мы могли поклясться, что он плюнул полотенцем: что-то похожее полотенце вылетело у него из пасти или рта, не знаю, как правильно, долетело до мужчины и со звуком шлепка, обернуло

ему лицо. Возникла пауза. Даже Марабу со страусом Эму, казалось, забыли об утке и посмотрели в эту сторону. Мужчина с трудом протёр глаза, потом рот, кажется, хотел что-то сказать, но не найдя слов, пошёл мыться. В этот день мы не зря сходили в зоопарк. Сколько было потом разговоров.

Глава Крокодил.

Отец Людмилы, тридцать лет, проработавший в Большом театре, солистом оркестра, объездивший с театром почти все страны мира, часто рассказывал нам интересные истории, произошедшие с ним или с его друзьями во время поездок в дальние страны. Как-то в молодости, его пригласили, в качестве музыканта, съездить с замечательным украинским танцевальным ансамблем под руководством Павла Вирского, на гастроли по Вьетнаму и Китаю. Министерство культуры СССР ему такую возможность предоставило, и он поехал. Гастроли были интересные, принимали очень хорошо, артисты великолепные, люди замечательные, места проезжали красивейшие. Климат, конечно, не наш —

жара и страшная сырость. На юге Вьетнама расположились в хорошей гостинице, построенной ещё англичанами. Вокруг красота: много воды, буйная растительность. Правда докучали сильно мухи, комары, жуки и прочая подобная живность, которой здесь развелось в огромном количестве. В каждом номере стояла огромная кровать с балдахином и пологом, накрывающем всю поверхность этой кровати. Полотенце выполняло функции накомарника. Сквозь него этим кровопийцам было труднее добраться до жертвы. И вот, как-то, коллектив вернулся после выступления в гостиницу. Кто-то пошёл сразу в номера, кто-то остался перед входом, чтобы обсудить планы на вечер. И вдруг, душераздирающий крик разорвал тихую, влажную, тягучую атмосферу. И тут же со второго этажа из окна вылетает скрипач коллектива и падает в какие-то кусты. Приземляется довольно удачно, на кактус, но руки и лицо сберёг. И сразу на четвереньках пытался куда-то ускакать. С трудом остановили, подняли отбивающееся тело: «Что такое? Что случилось?» - спросили у него. Долго ничего не могли понять из его несвязанного бормотанья. Наконец, бормотанья и всхлипыва-

нья приобрели постепенно очертания человеческой речи. «Там крокодил», - выдавил из себя, всё ещё трясущийся, скрипач. «Я зашёл в номер, положил скрипку на стол и сел на кровать, а он из-под одеяла вылезает, зубами щёлкает, глазами так: «зырк, зырк». «Иди», - говорит: «сюда». «И улыбается, гад». Все побежали смотреть. Действительно, в кровати лежит здоровый крокодил, может, варан. «Да, какая разница», - пояснила симпатичная блондинка альтистка. Но вьетнамец из obsługi объявил, что это не крокодил. Это ваш друг. Он поедает комаров, мух и прочих насекомых. Он погладил крокодила и перенёс его на диванчик. Народ безмолвствовал.

Глава Гришка.

Гастроли во Вьетнаме проходили удачно. И глава Вьетнама, Хо Ше Мин, подарил отцу Людмилы одиннадцать макак в клетках и маленького шимпанзе на руки. Шимпанзе сразу коллектив назвал Гришкой. И на это имя тот сразу стал отзываться. Долго ломали головы: почему Хо Ше Мин сделал подарок отцу Людмилы, а не, скажем, руководителю коллектива,

выдающемуся хореографу, Павлу Вирскому? Потом сообразили. Весь коллектив прилетел с Украины, а отец Людмилы прилетел позже отдельным рейсом из Москвы. Тогда в наших странах было время советское и все понимали, что отдельный представитель из Москвы, конечно, главнее любого из не Москвы. Девочки из балета сразу сшили Гришке матросский костюмчик: штанишки и курточку, а ещё берет с помпоном, который он залихватски носил с видимым удовольствием. Одиннадцать макак столько ели, что суточных явно не хватало, хотя, бананы – основная пища обезьян, во Вьетнаме и стоила копейки. Пришлось их пристроить, как только въехали в Китай. И с Гришкой были проблемы. С собой на представление его не возмёшь. Пробовали брать. Когда начинала звучать красивая украинская музыка и яркие танцоры прекрасного ансамбля выходили на сцену и начинали плясать своего коронного Гопака – Гришка входил в такой экстаз! Он плясал, пел, орал и рычал так, что его было слышно не только на сцене, но и на улице. Что делать? Нужно фаната оставлять в номере. Первый раз его за поводок привязали к водопроводному крану. От

скуки Гришка, частично сгрыз, частично когтями разворотил нижнюю часть входной двери. Гостиница была шикарная, пятизвёздочная, номера «Люкс». Хорошо, что оказались в наличии запасные двери. И китайцы с улыбками на лицах, но скрипя сердцем, поменяли двери. Попросили: «Поаккуратней!» На следующий вечер Гришку привязали за тот же кран, но поводок сделали значительно короче, теперь он дотянуться до двери, при всём желании, не смог бы. Во время выступления тряслись: что там ещё этот паршивец может выкинуть. Тряслись не зря. К приезду артистов, только, только справились с последствиями потопа, учиненного, опять-таки, Гришкой. На коротком поводке ему было неудобно - и он оторвал кран. От воды он забрался на диван, потом на стол, потом на шкаф, а когда вода заполнила весь номер — начал орать. На его крик сбежалась обслуга и начала спасать номер. Китайская обслуга с заметной радостью провожала русских гостей с обезьянкой. В другом городе им с соседом, впоследствии другом, великолепным музыкантом, достался огромный номер на первом этаже. Но кровати там были только огромные двуспальные с боль-

шим балдахинном. Вечер был прекрасный с изумительным закатом. Номер окнами выходил на море. Море было в двадцати шагах – решили вытащить кровать на берег. Купались, ныряли, потом так и заснули на берегу в своей огромной кровати. Утром их разбудил душераздирающий крик Гришки. Что такое? Ночью был прилив и теперь они плавали на кровати в пяти метрах от берега. Гришка прыгает, орёт, привязанный к пологу. Молодец, Гришка. Вовремя подал сигнал. Могли уплыть в открытое море: начался отлив. Вытащили кровать из воды, притащили её опять в номер. Сохла долго: влажность сильная. Через три дня переехали в другой город. Гостиница большая, двор колодцем. Выглянули из окна. Там, посреди двора стоит большая клетка и в ней прыгает такая же обезьянка, как и Гришка. Побежали знакомиться. Хозяйка оказалась русской, женой нашего дипломата. С большим трудом договорились на время выступлений подсаживать в клетку Гришку. И вот, наступила эта сладостная минута: клетка открыта, Гришка в ней, клетка снова закрыта. Ни слова не говоря, Гришка бросился на обезьянку и тут же, прилюдно, совершил обряд бракосочетания. Ужасу

хозяйки не было предела: «Хулиганы, бандиты! Бедная Эмма», - кричала она: «Забирайте сейчас же, вашего сексуального варвара». А нам показалось, что бедная Эмма совсем не возражала. Через пару дней должны были улетать в Москву с посадкой в Иркутске. Летали ещё теми самолётами. В Иркутске минус сорок. Гришку не доведём. Пришлось подарить его местной киностудии. Расставание было тяжёлым — привыкли, полюбили. Он ко всем лез обниматься, целоваться. У всех на глазах были слёзы. Рассказывали, что впоследствии Гришка стал кинозвездой в Китае. Талантливый оказался, чертяка.

Глава Стас.

Мы с Людмилой одно время работали в орловской филармонии. Там же в тот период выступал удивительный цирковой артист Стас. Крепкий мужик. Работал с медведями и ещё жонгляж, эквилибр на катушках. Я себе не представлял, как такой здоровый мужик может залезть на катушки, с которыми работают, в основном, худые мальчики и девочки. Не помню точно, сколько было катушек, но не меньше

трёх. На столе и ещё эти катушки – он в некоторых клубах работал под потолком и ещё при этом жонглировал. На какие-то большие мероприятия нас иногда объединяли: цирковую группу Стаса и нас - ВИА. Вокально-инструментальный ансамбль. Слова: рок-группа или рок ансамбль, были тогда запрещены. Глетворное влияние запада. На эти выступления Стас брал двух медвежат, ростом со взрослого мужика. Одного медвежонка звали Чебурашкой, а второго, кажется, Буратино. Нос, правда, у него был нормальный, как у всех медвежат. Стас любил их привязывать возле выхода на сцену и тащился, видя, как все музыканты лишний раз мимо медвежат идти боятся. В ансамбле была своя цирковая женщина «Каучук». Она что-то делала в кольце. Возможно, в знак того, что она тоже, в общем-то, цирковая, она больше других общалась с группой Стаса, кстати, очень хорошими людьми. Между прочим, цирк - это очень серьёзная работа. В цирке нужно вкалывать, до седьмого пота, тогда, может, что-нибудь получится. Но вернёмся к медвежатам. Наша цирковая артистка, чтобы подружиться с медведями, часто давала им морковку, яблоки и ещё что-то.

Медвежата были ростом с взрослого крупного мужчину. Как-то, во время нашего совместного выступления, в финале, а Стас требовал, чтобы в финале на общий поклон выходили все участники и Стас в центре со своими медведями. Включили свет в зале. И медведи, вдруг, увидели людей, в темноте публика была не видна, а к нам они уже привыкли. Медведи начали пятиться назад и постепенно подошли к нам вплотную. Наши ряды дрогнули, и мы тоже начали отступать. Стас кричит: «Стоять!. Твою...». Медведи продолжают пятиться. Стас кричит: «Стоять!» Барабанщик спрашивает: «Это он кому?» Может, Стас, действительно, кричал нам, чтобы мы стояли и своими телами сдерживали медведей. Интересно: стоять и сдерживать медведей. Мы, естественно, расступились, и барабанщик остался один на один с отступающими медведями. «А мне куда деваться? Сзади стена», - кричит барабанщик. Мы решили ему помочь – кто взял барабан, кто - тарелку, кто – хет, бочку схватил сам барабанщик. Стас на сцене набросился на медвежат. Публика, видя наши игры, пришла в восторг. Медведи очень боялись людей в зале, но Стаса они боялись ещё больше. И, когда он

на них зарычал, бедные мишки бросились в зал. Тут наступила наша очередь смеяться. Медведи метались по залу, шарахаясь от людей. Люди бегали по залу, спасаясь от медведей. Все повеселились. Скандал был страшный. Стас на нас обиделся – мы не сдержали медведей: «Да их взял за шкурку и они твои», - кричал он.

Глава Опять Стас.

Со Стасом происходило множество историй, но мы не очень долго работали вместе, - многое знали понаслышке. Под перевозку медведей и его небольшой группы артистов, Стасу Филармония выделила автобус Кубань, оборудованный клетками и сидениями. Сначала, автобус Стас водил сам: не мог найти водителя, но прав на вождение автобуса у него не было, только легкового автомобиля. И когда, в очередной раз, Стаса останавливал сотрудник автоинспекции, Стас выходил на разговор с гаишником, прихватив с собой медведя. И не медвежонка, а настоящего, гималайского, который был выше человека почти в два раза. Ещё у Стаса в клетках сидели два обычных бурых медведя, которые

были чуть меньше, но тоже здоровые. И, когда медведь начинал обнимать автоинспектора, тот сразу отпускал Стаса. Так шутник ездил довольно долго, но жалобы автоинспекторов копились, и в филармонию пришла бумага, запрещающая Стасу ездить без прав. Нашли водителя. Перед выступлениями, Стас медведей не кормил, так они лучше работали. Сделал трюк – получи морковку или яблочко, сделал другой – получи и так далее. И вот, стоит автобус Стаса перед Орловским Облисполкомом, водитель на своём месте ест булку, запивая её молоком из пакета, сзади в клетках сидят три голодных медведя. Водитель ест свою булку и, вдруг, его кто-то трогает за плечо, он оборачивается и видит: стоит, наклонившись над ним, гималайский медведь. Одной лапой он опёрся на капот, мотор в «Кубани» находится в салоне справа от водителя, а другой лапой он тянется к молоку, стоящему на капоте. Можете себе представить состояние водителя в этот момент? Он пытается быстро открыть дверь, но случайно нажимает на предохранитель, который блокирует дверь. Тогда он быстро открывает окно, а в Кубани окно поделено на несколько небольших окошек. Водитель

был небольшой, худощавый мужчина, но все потом гадали, как он смог выскочить в это окошко, через которое не каждый ребёнок смог бы пролезть. Водитель сразу прибежал в отдел кадров, написал заявление и уволился, отказавшись работать в филармонии с кем бы то ни было. Медведи – симпатичные, но очень непредсказуемые животные.

Глава II снова Стас.

Я уже рассказывал, что у Стаса было два медвежонка: Чебурашка и второй, имя которого я не помню, кажется, Буратино. Наша женщина акробатка в своё время работала со Стасом и всё время подкармливала медвежат. Подкармливала – громко сказано, она каждый раз, когда ей нужно было проходить мимо них, давала им по морковке. Как-то раз, она, проходя мимо, предложила морковку Чебурашке – он съел. А второй медвежонок зарычал. И она сказала: «Ах! Так! Тогда ты ничего не получишь». И отдала вторую морковку Чебурашке. Она переоделась для выхода на сцену. А из одежды на ней: тоненькие колготки, трусики, да полупрозрачная верхняя часть типа «Фигаро». Пора выходить, а идти

нужно мимо медвежат. И, когда она проходила мимо, обиженный медвежонок ударил её лапой по попке. А у медведей когти, как кинжалы и под когтями какой-то жир – полгода заживали раны. Крови море. Какое там выступление. И даже после этого случая, Стас, всё равно, привязывал их у выхода на сцену. Кроме медведей, Стас ещё работал эквилибр на катушках. На высокий стол он ставил три, катушки и сверху дощечку. И вот, довольно, с виду, грузный Стас, вставал на эти катушки. Как-то раз, стоит Стас на своих катушках, высоко стоит и жонглирует. Вдруг, гаснет свет! Обалдевшие зрители, из темноты сцены, откуда-то сверху слышат трехэтажный мат и заветное слово: «Стоять!» По поводу света выяснилось, что это не пробки вылетели, а на подстанции что-то случилось и, в результате этого, у половины городка нет света. Стасу наверх передали эту новость: сверху посыпался ещё более забористый мат и сакраментальное «Стоять!» Свет дали минут через двадцать – Стас стоял на катушках и жонглировал. Закончил он свой номер под бурные аплодисменты. Аплодировал не только зал, но и мы, стоящие за кулисами. Он, только что, готовый

искать виновных и сразу порвать их, как тузик грелку, скромно заулыбался, увидев на наших лицах уважение и восхищение, сказал: «Да, ладно, чего там. Поживите с моё».

Глава Дик, Корсар и Катька.

Я уже рассказывал, что у нас был большой королевский пудель, ростом с овчарку и появился щенок ризеншнауцера, которого уже три месяца не забирает соседка. Она откровенно, пряталась от нас. И наконец, мы решили, что всё, хватит: щенком надо заниматься. И, потом, это не болонка, а ризеншнауцер – его нужно воспитывать. Щенка отдавать не кому и не зачем. Он наш. Жалко, что три месяца я им не занимался, а просто, гулял. Пропустил становление, потом труднее будет. К нам в гости зашла наша знакомая актриса и увидела Корсара. Щенок принял только кличку – Корсар. Она была в восторге от него. Возилась с ним, ласкала. Псу это, естественно, нравилось. В конце дня она изрекла: «Хочу такого же. Только девочку. А у них не осталась его сестрёнка?» Мы не придали этим словам значения. Она звонит на следующий день:

«Ну, как?» Мы уточняем: «Что, как?» Спрашивает: «Сестрёнка есть?» Мы объяснили, что пока не дозвонились. Каждый день она нам звонила и спрашивала: «Ну, как?» - мы обещали узнать. Наконец, не выдержали, позвонили и спросили: «Есть ещё сестрёнка?» Нам обещали узнать. Через три дня, без предупреждения, нам привозят девочку. Люди взяли собаку и, вдруг, им предложили работу за границей. Оформлять щенка для вывоза – очень проблемно. Только, только взяли, ещё не привыкли, пока ничего не связывает, кроме луж на полу. Звоним Лене, нашей знакомой актрисе, - она на какое-то время, уехала к маме в Николаев, Украина. «Ну», - подумали: «Попали». А у нас сплошной праздник – не успеваем убирать. Наши щенки ещё ничему не обучены. Пришлось проводить ускоренные курсы. Через месяц Лена приехала. Приехала и не звонит. Если б нам не сказали, что она в Москве – мы бы и не знали. Звоним ей, она – дома. «Принимай», - говорим: «Сестрёнку». «Какую, сестрёнку?» - не понимает она. «Просила такого же щенка, как Корсар, только девочку? Получай». Приехала к нам. Умилялась, целовалась, забрала. Ризеншнауцер – серьёзная порода и с соба-

кой этой породы нужно заниматься серьёзно. И ещё я понял, что собака должна бегать. Много бегать. Люди часто выходят с собачкой на поводке, особенно женщины, садятся на скамеечку с соседками и: «Ля, ля, ля», а собака рядом сидит. Разве это гулянье? Мои бегали и в гору, и с горы, перепрыгивали довольно крупные ручьи, плавали. И вот, приезжает, спустя какое-то время наша знакомая с сестрёнкой нашего Корсара: задние лапы не развиты, еле ими двигает, почти рахит. Была нормальная – как и её братец, Корсар. «Что делать? Что делать? Все советуют усыпить», - бормочет хозяйка. Мы: «Как, усыпить?» Оставайся у нас, поживи. Мы каждый день бегаем по лесу. А сама хозяйка фитнесом занимается – переживает, что потолстела. Осталась у нас. За две недели постоянного бега по горам – похудела, Катька, так она назвала сестрёнку Корсара, начала бегать, лапы перестали подгибаться. Но вначале, как заботливо Дик и Корсар учили её бегать, прыгать через ручьи. Сами прыгают, показывают, потом её подталкивают, она не может, они ей помогают – так это было трогательно. Мальчишки научили Катьку и бегать, и прыгать. И никакого рахита.

Глава Пропажа.

Как-то, уехали мы на гастроли по Дальнему Востоку: Чукотка, Магадан, Камчатка, Владивосток, Находка, Хабаровск, Чита, Улан - Уде, Иркутск. Должны были залететь и на Сахалин, но всё время стояла не лётная погода. С нашими питомцами осталась знакомая, у которой, в своё время, были овчарки. Возвращаемся с гастролей и узнаём, что Корсар пропал. Она гуляла с ними без поводков и даже, без ошейников. На ошейнике был номер и кличка. Корсар и Дик любили бегать по лесу и убегали довольно далеко. На зов возвращались. На мой зов. Убежали. Дик вернулся, а Корсар – нет. Как бы далеко он ни убегал – всегда возвращался, на то место, откуда убежал. Возможно, нужно было, просто, подождать на том же месте подольше, но она торопилась. На следующий день пошла с Диком в этот лес, покричала Корсара – не пришёл. Она развесила бумажки, правда, только в нашем микрорайоне. А он мог выбежать на Тёплый стан, на юго-западную или другую сторону. Прошло три месяца с того момента, как он пропал. Мы только приехали. Гастроли продолжались три с по-

ловиной месяца. Начинаем бегать, искать. Часами ходим по лесам. Нам посоветовали обратиться в местное кабельное телевидение. Обратились в три, с разных сторон, граничащих с лесом. Обращаемся к одним: «Нужно дать объявление». «Пожалуйста». «Пропала собака. Сколько нужно платить?» Ответ: «На горе не наживаемся. Дадим объявление бесплатно». «А сколько раз объявление будет звучать?» «Пока вы не придёте и не скажете, что собака нашлась или хватит, бесполезно искать». Обращаемся на другое кабельное телевидение – такой же ответ. На третьем – тоже самое. Отличные люди. Через несколько дней нам позвонили, сказали, что ваш пёс, кажется, на Динамо. Вот адрес. Звоним. «Что же вы три месяца не искали, а сейчас, вдруг, спохватились?» Рассказываем, что были в длительной командировке. Разговаривали с женщиной. Она сказала: «Муж гуляет с ним, а как его зовут?» Мы отвечаем: «Корсар». «Подождите», - говорит женщина: «Я вам перезвоню». Минут через двадцать перезванивает: «Точно. Ваш пёс. Когда я его назвала по кличке, Корсар, - он сел на попу, сказал: «Ой». И начал скакать, и лаять. Явно обрадовался. Это ваш пёс. Когда

приедете?» Мы ответили: «Сейчас», - кинулись на улицу, остановили машину, объяснили, что едем за собакой. Мужчина согласился. У него тоже есть большие собаки, и он не боится, только, просит на сидение что-то постелить. У нас был плед. Приезжаем, звоним в дверь. Нам открывает приятная женщина, в глубине, возле двери в комнату, стоит мужчина. А из-за двери слышен лай, возня. Мужчина говорит: «Подожди, подожди, может, ещё не твои», открывает дверь. И оттуда выбегает обросший Корсар, бросился к Людмиле, стоящей ближе, а потом ко мне. Я присел, говорю: «Мой, Корсик!» Он – обниматься, облизал мне всё лицо, потом опять к Людмиле и тоже облизал и, наконец, вспомнил, подошёл к грустным хозяевам, сел, протянул им лапу, потом гавкнул три раза и к входной двери: «Скорей домой». Мы поблагодарили хозяев, спросили: «Сколько мы должны?» Они грустно ответили: «Ничего вы не должны. Конечно, мы его полюбили, и нам жаль с ним расставаться, но это пёс, явно ваш. И ничего нам не надо. У нас был пёс, но он погиб. И Корсар стал для нас спасением от тоски». Мы сели в машину. Корсар лежал у меня на коленях, часто тяже-

ло вздыхал и пытался меня периодически лизнуть. Когда мы приехали домой, Дик решил высказать Корсару всё, что он о нём думает, а Корсару это не понравилось, - погрызлись, не сильно, для зрителей и с удовольствием разбежались, стоило мне сказать: «Нельзя». Корсар стал послушным и далеко не убегал. Говорят, все любят рассказывать удивительные истории, про своих замечательных питомцев. Мы тоже любим.

Глава Дик и Корсар.

Как-то, мы пригласили женщину-мастера стричь Дика. Она его очень хорошо постригла и пошла в ванную, вымыть руки. Вышла и рассказывает нам: «Стою, мою руки, чувствую, что кто-то постучал меня по плечу. Оборачиваюсь. Никого. Только Дик зашёл в ванную». Она, - женщина высокого роста, чтобы постучать ей по плечу, нужно самому быть не маленького роста. «Продолжаю мыть руки, опять кто-то стучит по плечу – быстро оборачиваюсь: на задних лапах стоит Дик и показывает: «Поверни кран в ванную и открой воду – я пить хочу». Настолько, точно показал, что я сразу поняла и сделала, что

он просил. Дик наклонился над ванной, попил, сказал: «Спасибо!» и ушёл». Кран был один для ванной и для раковины: поворачиваешь в ванную – течёт в ванную, поворачиваешь в раковину – течёт в раковину. Дик не любил пить из миски, - он предпочитал пить из крана.

А Корсар у нас открывал двери любые, если они не заперты на ключ. Мы стали делать задвижки на некоторых дверях в верхней части, чтобы он не достал. Раньше, в старых дверях из ДСП делали ручки с секретом: повернёшь ручку вверх – она щёлкает и блокирует замок. И, чтобы открыть дверь, нужно утопить ручку и опустить её вниз. Приезжаем мы как-то с выступления: привозим звуковую и световую аппаратуру, декорации, костюмы. Нас человек пять. Собаки за дверью радостно скачут. Вдруг, Корсар нажимает на ручку, поднимает её вверх, пружина щелкнула - дверь заблокирована. Артисты спрашивают: «У вас гости?» Но все понимают, что гости не закрывают двери, а открывают их. «Воры?» Мы отвечаем: «Нет. Корсар». Дик был умный пёс и, конечно, тоже умел открывать двери, до появления Корсара, но он понимал, что за это можно получить и после появления

Корсара, позволял ему проявлять свои таланты. Я не стал пороть истерику, а очень ласково начал: «Мои хорошие!» За дверью запрыгали ещё интенсивнее: «Корсарушка, ну давай, нажми на ручку. Дикуся, может быть ты». На ручку тут же нажали, я её повернул, дверь открылась, и на нас вывалились счастливые псы обниматься, целоваться.

Корсар был очень активным псом: он много бегал, много прыгал и много ел. Как-то к нам заехали знакомые и попросили у нас дома устроить им встречу с немецким бизнесменом. Годы были буйные: на любую встречу могли явиться бандиты и устроить кровавые разборки. Всё было очень конспиративно: почти до момента самой встречи никто не знал, где она состоится. Людей, просто, привозили на место. Нам дали денег и попросили купить водки, вина, воды, колбасы, рыбы, икры, фруктов. Из этого многообразия попросили сделать бутерброды. На эти деньги получилась целая гора бутербродов, в высоту сантиметров на пятьдесят. Люда спросила: «Может, приготовить что-нибудь?» Нам сказали: «Не нужно. Немцы привыкли к фастфуду. Им наши супы и котлеты не нужны.

Главное, сделайте, что мы просили и посидите в другой комнате». Для переговоров они выбрали кухню. Закрыли дверь и затихли. Через два часа российские бизнесмены попрощались и ушли. А немец и переводчица остались. Переводчица была наша знакомая. Мы предложили им выпить и закусить, - гора из бутербродов осталась цела. Мы сели за стол. Люда предложила: «Может, сибирские горшочки?» Немец спросил: «А, что это такое?» Люда поставила перед ним горшочек с пельменями, кусочками печёнки, грибами и картошкой. Когда он попробовал, то оторваться уже не смог. Съел с огромным удовольствием три горшочка. Сразу предложил поехать в Германию, открыть ресторанчик и пусть Люда готовит только это. «У нас будут очереди», - волновался он. К бутербродам притронулся только я — уж, очень я люблю икру. Мы посидели, выпили, поговорили. Нашу беседу нарушал только, надоедливо капавший кран. Я не выдержал, извинился, достал ключи и поменял прокладку — кран перестал капать. «Беру сразу на работу, к себе в офис в Берлине слесарем-сантехником», - вскричал он. Мы рассказали, что занимаемся театром. Детским театром. Он очень внимательно

выслушал рассказы о нашем театре, посмотрел фотографии, костюмы, послушал музыку – у нас детский музыкальный театрик. Ему всё очень понравилось. И он предложил нам организовать гастроли в Германии. Потом мы его поехали провожать, прежде, предупредив нашу знакомую переводчицу, что эту гору бутербродов нужно обязательно убрать в холодильник, но, главное, не оставлять Корсара один на один с бутербродами – это очень опасно. И мы уехали. Наш гость остановился у своих знакомых, которые, к всеобщему удивлению, оказались и нашими знакомыми. Наши взаимоотношения, это обстоятельство ещё улучшило. Возвращаемся мы после провожания, на кухне стоит чистое блюдо из-под бутербродов, думаю: «Зачем она выложила бутерброды в другую посуду?» Заглянул в холодильник – бутербродов нет. Такую гору спрятать невозможно. Спрашиваю у переводчицы: «Зачем ты выложила бутерброды?» Она с удивлением в голосе отвечает: «Я их не трогала. Они на кухне». Говорят, что ризеншнауцеры, бывают двух видов: одни – очень злые, другие – вечно голодные. Наш был, из вторых. Конечно же, он всё съел, - ему впоследствии бы-

ло плохо. Вернее, плохо стало нам, когда мы увидели, сколько нам предстоит убирать.

Ещё до появления Корсара, когда у нас жил только Дик, Люда решила как-то ночью разморозить мясо на рёбрышках. Она вынула из холодильника три упаковки, положила их на тарелку на кухонном столе – к утру всё должно разморозиться. Утром видим: две упаковки на столе в тарелке, а третья бумажка на полу аккуратно расстелена и тщательно вылизана. Наш Дик ночью унюхал мясо, встал на задние лапы, сосчитал упаковки: раз, два, три. Одну – папе, одну – маме, а одну Дику. Свою порцию он решил съесть ночью, а наши – не тронул.

Глава Гроза.

Когда моя жена была ребёнком, они с родителями как то поехали отдыхать в Молдавию в село Мокошино. Их окружала прекрасная природа, рядом протекала река, но каждую ночь на село обрушивалась страшная гроза, а на утро выяснялось, что кого-то гроза убила: то корову, то человека. Маленькая Люда очень боялась грозы, она ощущала её приближение всеми фиб-

рами своего маленького детского сердца. Жуткое приближение чего-то неотвратного, страшного. Наши любимые барбосы грозу переносили по-разному: Дик ложился рядом с нами, обязательно лапой касаясь нас, бесстрашный Корсар очень боялся грозы. Выражение «лезть на стену» мы поняли, когда он во время грозы запрыгнул на кровать, поставил лапы на изголовье, а потом полез на стену, в прямом смысле этого слова. Даже возле нас он не чувствовал себя в безопасности. Я как-то случайно во время грозы открыл двери в ванную комнату, Корсар забежал, прыгнул в ванную, залёг и попросил выключить свет. Я выключил, прикрыл дверь, не закрывая её. Впоследствии, это убежище стало для него самым надёжным.

А наш маленький Ника-Никита жил на восьмом этаже. В доме были высокие потолки в большой комнате два окна, рядом река, и когда начиналась гроза, он прятался под одеялом, но потом и этого стало недостаточно: нужно, чтобы я сидел рядом и мою руку он должен обнимать под одеялом. Да и как не бояться грозы, если недавно, даже в Москве, несколько человек погибли от этой стихии.

Глава Что случилось?

Как-то раз я гулял с моими барбосиками в лесном массиве «Узкое». Они, как всегда были очень активны: много бегали, играли. Погода была сырая, накрапывал дождик, но моим бегунам было всё нипочём: снег, дождь их только будоражили. Бегали по горам, скакали через речки, выбрались мы из оврага, а там, на большом лугу, пасётся целая свора собак. За девочкой пуделем носятся восемь, десять кобелей разных мастей и габаритов. И боксёр, и доберман, и мопс, и дог, и прочие мелкие пушистые и гладкошёрстные. Подбежали и мои, все понюхались, никто агрессии не выказал – можно играть. Беготня ещё усилилась – мои добавили огонька. Хозяева стояли кучкой, разговаривали, умилялись, глядя на своих питомцев. Я подошёл, поздоровался и тоже принял участие в обсуждении собачьей жизни. В большинстве своём собачники очень хорошие люди. Они своё расположение к собакам, как-то, распространяют и на людей. Конечно, кроме тех людей, которые плохо относятся к собакам. Так, вот было сыро и промозгло: шёл дождь, ветер качал ветки деревьев. На

мне были резиновые сапоги, джинсы, куртка, вязаная намокшая шапочка, перчаток у меня не было, поэтому руки я держал спрятанными глубоко в карманы. Наша свора с азартом носилась за пуделихой, совершенно не замечая непогоды. И тут, хозяйка пуделихи решила зачем-то её позвать, возможно, чтобы обратить на себя внимание. Свора помчалась в нашу сторону. И совершенно непонятно почему, пуделиха побежала не к хозяйке, а ко мне. Собственно, не ко мне – она пробежала рядом со мной, а свора разномастных и разнокалиберных кобелей, мчавшихся, не разбирая дороги, кинулась мне в ноги. Я даже не успел вынуть из карманов руки, как меня снесли и, не обращая на меня никакого внимания, эта лавина понеслась дальше. Я, как подрубленный, с руками, спрятанными в карманы, рухнул в грязную жижу. Когда я поднялся, то и шапочка, и лицо, и куртка, и джинсы, и сапоги – весь я был в грязи и только глаза выдавали скрытый за грязью интеллект. Хозяева собак были в восторге – ничего подобного никто из них ещё не видел. Я был на вершине внимания. Когда жена открыла нам дверь квартиры, она чуть в обморок не упала. «Что такое? Что случилось», -

вопрошала она. Я рассказал и пошёл мыться.

Глава Птичка.

Эта история произошла этим летом. Мы с Людмилой давно собирались поменять оградку на кладбище. Наши близкие захоронены на Востряковском кладбище. И наконец-то, мы всё-таки, смогли её поменять. Когда производились работы – немного потревожили основание памятника, плюс нужно было поправить внешний вид всего захоронения. Мы стоим, проверяем, как выполнена работа и решаем, что ещё осталось сделать. И тут появилась она: маленькая светло коричневая птичка, таких птичек мы никогда не видели, её грудка была яркой раскраски, на голове было некое подобие шляпки из пёрышек. Она села на оградку, с деловым видом прошла по ней, как бы проверяя работу, кивнула – одобрила, осмотрела памятник, указала нам на то место, где основание было подпорчено, очень внимательно всё осмотрела, опять одобрила. Она показывала нам те места, которые не были заметны глазу, но требовали доделки или переделки. Птичка точно знала, что мы так

просто все недоделки не оставим и всё переделаем и доделаем. Мы сказали: «Здравствуй, Масик!» Птичка была замечательная. Когда она только появилась, мы сразу узнали её. Её — Людмилину маму. Птичка была удивительно похожа на неё. Потрясающий была человек, мама Людмилы. В прошлом, замечательная солистка, ансамбля танца имени Игоря Моисеева, затем блистательно танцевавшая в ансамбле «Берёзка». Эта женщина была удивительной доброты и порядочности. Она создавала в доме уют, атмосферу тепла, радости и доброты, ко всему старалась относиться с юмором и с пониманием. Мы звали её тёплым, как нам казалось, именем «Масик! Масинька!» - она была небольшого роста. Всегда за собой следила и до конца ходила лёгкой танцевальной походкой. Она смотрела, чтобы во всём был порядок: и в доме, и в делах. И вот, когда эта птичка, танцевальной походкой, прошлась по ограде, мы её сразу узнали и абсолютно уверены, что это наша «Масик» посмотрела, всё проверила, и одобрила. Потом она нас проводила до выхода с кладбища. Мы, прощаясь, сказали: «До свиданья, Масик!» Она кивнула головкой и улетела.

«Букет в вазе» Евгения Лесковая (1975 г.)

Гад, гад, гад!!!

«У Вас весь рукав белый» - оборачиваюсь.
Только лёгкий дымок от сигареты, тихий смешок и сладковатый запах от его дурацкого одеколona.

Ну, вот, сколько можно? Сколько можно издеваться? Мне что, обратиться куда следует? А что я им там скажу? Жизнь испортил? Сумочку не крал, в подъезде не насиловал, дверь не взламывал. Что? Что они ему могут предъявить? Я, просто, уже трясусь от злости. Просыпаюсь и трясусь. Трясусь. Увидела в зеркале выражение своего лица – даже испугалась. Смотрит на меня из зеркала злая такая выдра. Ну кому захочется с такой разговаривать, тем более, связывать с ней свою драгоценную жизнь? Ну, гад! Гад! Гад! Я всегда была хрупкая, нежная, ласковая: «сю-сю-мусюсю». Всегда любила пошутить. А стала... Меня на улице, останавливает приятного вида молодой мужчина и культурно так, спрашивает: «Простите, милая девушка, вы не подскажете, как пройти...». Не помню, куда он там хотел пройти. Но я, понятия не имею почему, с полоборота завелась: «Какая я тебе девушка? Милая! Сам, дурак!» И рванула вперёд по улице, споткнулась, упала, колготки дорогие порвала, лежу вся грязная и кричу: «Гад! Гад! Гад!» Не этому, а тому, с сигаретой, дурацким запахом одеколona и этим смешком, который я никогда не смогу забыть. Гад! Стоит мне с кем-то позна-

комиться. Ну, думаю, вроде, жизнь начинает налаживаться — тут, откуда ни возьмись, этот гад. Он где-то здесь живёт. Откуда он меня знает? Не понимаю. Как его звать? Не знаю и знать не хочу. Гад! Познакомилась я как-то, с молодым красивым высоким. Стоим, разговариваем, комплиментами друг друга одариваем. И вдруг, этот. «Привет, привет! Сколько лет, сколько зим? Где была, что делала?» И так, вроде бы, заинтересованно. Слова не даёт вставить. И, как бы, невзначай: «А как, Вован?» «Какой», - спрашиваю: «Вован»? «Муж твой. Или уже разбежались, как он на нары попал?» И всё! Всё! Мой новый знакомый прощается, торопится он, оказывается, по делам. Только что никаких дел не было, кроме меня. И весь вечер принадлежал нам. Всё! И этот гад убегает до следующего раза. Гад! Ни себе ни людям. Ну, гад! Ну, куда мне обратиться, чтобы... Утопить его мало. Пять лет из жизни. Гад! И, ведь, переехала в другой район. А там так было хорошо. Нет, плохо! Даже с подругами со всеми перессорил. Всю жизнь мне скомкал. Гад! Гад! Ну, гад!

«Цветы на столе» -Евгения Лесковая (1966 г.)

«Цветы» - Евгения Лесковая (1979 г.)

Стухи
Стухи

Сказочник

Каждую ночь к вам являюсь во сне -
Это не трудно! Это по мне!
Вы погружаетесь в сладостный фон –
Мир виртуальной реальности – сон!

Всё, будто, видишь с другой стороны:
Прыгаешь с дома и, даже, с Луны!
Ты уже жук – проползаешь в траве
Или, как птица, летишь в синеве.

Вас хотят запугать, но пора улетать.
Видишь себя будто ты – уж не ты...
Видишь себя ты, как со стороны:
Справа река, слева луг и лесок, а под ногами
приятный песок.

Плаваешь рыбой и скачешь в горах,
Мчишься куда - то на всех парусах.
Вот попадаешь в игрушечный мир:
Ты – кукла Барби или вампир.

Ты - людоед, а теперь уже – кот.
В небе летит высоко самолёт –

Вот уже ты в самолёте пилот.
Но пора мне в полёт: скоро Солнце взойдёт.

Вот пробираешься в сказочный зал,
Вдруг, провалился в какой-то подвал.
Мечутся тени и монстры встают -
К цели заветной пройти не дают.

«Натюрморт с кувшином» - Евгения Лесковая (1976 г.)

Мираж

День уходит в размытую даль,
Унося тревогу.
Остаётся лишь слепок дня
В переливах сна.

Но покоя ведь нет!
Зовёт дорога,
Сиянье надежд –
Залог дня!

У надежды берег чудный,
Весь в тумане золотом,
Но не знает жадный путник –
Стал оазис – Миражём!

Миражём!

Незаметно уходят дни
Чередой унылой.
Всё туманнее в дымке сна
Серебрит мечта...

В мире призрачно всё,
Но есть - удача!
Лишает она
Иных сна...

У надежды берег чудный,
Весь в тумане золотом,
Но не знает жадный путник –
Стал оазис – Миражём!
Миражём!

Нам улыбаются все

Нам улыбаются все:
Звери и птицы, и солнце, и бледная Луна.
А мне казалось, что она,
Почему-то, сердито так смотрит на меня.

Нам рады все:
Деревья, мошки и блошки, и вошки, и
даже комары.
Но, почему-то, когда рядом, всегда очень
больно
Кусаются они.

Нам очень хорошо вдвоём
Среди звёзд, облаков у Эдема на виду.
А где нам спрятаться от их глаз,
Никак я найти это место не могу.

Мы будем вместе
Не стоять на месте,
Баловаться, прыгать,
Громко песни петь.

Никто не скажет
И Создатель даже:
«Мы от вас устали,
Хватит вам реветь!»

Нам нужно осмотреться здесь:
Всё понять, всё узнать — что зачем и
почему.
К чему вертеть нам головой среди звёзд,
облаков...
Как же проще одному.

Пойдём гулять по саду мы,
А слоны будут громко трубить для нас с
тобой.
Слоны, конечно, хорошо, но зачем нам
они,
Если рядом ты со мной!

Остров любви

Шёлковый луч скользнул по синеве,
Он запел о том, что связало нас...
Листьям шептал о сказочной любви –
Солнечных грёз светлые сны...

Ажурные своды света
И завораживающий прибой,
Парад планет, что одобряли нас
И Луна, безмолвный страж –

Ждали нашей встречи долго...
Быть может, миллионы лет назад
Они решили, может,
Всё уже давно за нас.

Нет случайных встреч,
Нет фальшивых слов,
Перед нами мир Солнцем опьянён,
Только ночью очень чутко дремлет он...

Остров любви, подсвеченный Луной,
Нас приютил, вечность подарил.
Белый корабль горизонт закрыл
Светом зари в парусах...

Звёзды доверчиво глянули

Звёзды доверчиво глянули
Нам в глаза с тобой,
Сколько заветного кануло
В их ночной покой...

Растаяла ночью звёздною
Дня связь — настал покой.
Смыкаются веки ваши,
Пелена в глазах, туман в глазах.

Сон сравнивал зверя
С человеком.
Он даёт всем силы
Людям и козлам.

Только, лишь, это забвение
Нам покой сулит —
Всякий достоин презрения,
Ночью кто не спит.

Божественный дар — сон ласковый,
Он дарит нам с тобой.
Все птицы, звери, люди —
Спят ночной порой.

Сон сковал мысли -
Всё смешалось и умчалось,
И растаяло время –
Спать доверено вам.

Звёзды доверчиво глянули
Нам в глаза с тобой,
Сколько заветного кануло
В их ночной покой...

Волшебный сон познания

Волшебный сон познания -
Бродит в нас порой.
Безумный труд сознания –
Славит шар земной.

Что задумано – исполнится,
Если правильно идёшь.
Если рядом друг, запомни ты,
Никогда не упадёшь.

Заботы созидания –
Рай, как дом родной.
Порывы процветания –
Всплески и покой.

Что задумано – исполнится,
Если правильно идёшь.
Если рядом друг, запомни ты,
Никогда не упадёшь.

Галатея.

Когда взберусь я на Олимп
Желанья моего,
Когда богиней поселюсь
У Бога одного,

Когда почувствую себя,
Как дома, в небесах –
Я обязательно напьюсь
До чёртиков в глазах!

Приеду снова я сюда
И закажу вина,
И угощу я всех, всех, всех,
Девчонок и тебя.

Тебе я песенку спою,
На танец приглашу,
Закрою я глаза и в такт
Вот, что тебе скажу:

«Путь к цели, если так далёк,
Хвостом ушёл за облака –
Нам радость даст - борьбы конёк,
Победа – грусть, наверняка!

И вот танцую и грущу,
Смотрю в глаза твои
И об одном тебя прошу:
«Не надо о любви...»

Когда взберусь я на Олимп
Желанья моего...

«У омута» - Евгения Лесковая (1978 г.)

Есть сынок у Афродиты

С любовью нам шутить не просто:
Она захватит – всё, пропал!
Пусть, даже ты гигантский ростом,
Считай, что карликом ты стал...

Одних выводит в исполины,
С другими чудеса творит,
В шестых она бросает мины,
А у седьмых душа горит.

Даже боги ей подвластны:
Сколько глупостей творят!
Муки от любви - ужасны!
Все, кто знает, говорят.

Есть сынок у Афродиты,
Он любовью сеет зло:
Стрелы глупостью облиты...
Выстрел!.. Мимо!? Повезло!!!

Один, влюбился в сумасбродку,
Другой - в холодный мрамор влип,
Четвёртый - любит трескать водку,
Восьмой - с любовью схватит спид!

Даже боги ей подвластны:
Сколько глупостей творят!
Муки от любви ужасны -
Все, кто знает, говорят.

Есть сынок у Афродиты,
Он любовью сеет зло –
Стрелы глупостью облиты...
Выстрел!.. Мимо!? Повезло!!!

«Цветы» - Евгения Лесковая (1967 г.)

Что же делать нам с мужьями

Что же делать нам с мужьями?
Кто мне может дать совет?
Или все проблемы сами
Отлетят, коль мужа нет?

Им грозить матриархатом,
Захватить, меж делом власть,
Расщепить мужей на атом,
А потом с тоски пропасть?

Мужчинам кажется, что ум и хитрость
Дарованы, лишь, только им.
И вот они разводят скрытность
И радуются снам своим.

Хихикают от плоских шуток,
Придумывают чудеса...
Им даже не хватает суток
Везде перевозносить себя.

Что в согласии можно жить,
Объяснить им невозможно —
Нужно их всегда хвалить,
Льстить им, врать, дурить безбожно.

*Подойди, подойди, мне в глаза
загляни*

Подойди, подойди, мне в глаза загляни,
Руки мне протяни: обними, обними
Расскажи что-нибудь про большую любовь,
Жду слов твоих, рук твоих, страсти зов.

Сколько можно смотреть, я могу зареветь:
Неужели моих глаз не видишь больших?
В них струится любовь и волнуется кровь,
Жду ласк твоих, губ твоих вновь и вновь.

Ты не видишь огня, что сжигает меня,
Бродишь, как истукан – бессловесный
чурбан,
Занят только собой или, может, другой?
Что мне делать? Скажи! Выход мне укажи.

Я страдаю, не сплю и давно не пою,
Потому, что люблю! Потому, что люблю
Я тебя одного. Больше нет никого,
Кто мне дорог, как ты. Поцелуй!
Обними!

Салатовое небо

Салатовое небо,
Еловое варенье,
Резиновые звёзды
Горят зелёным днём.

Ещё есть мягкий ёжик,
Юла, мохнатый дождик,
Воды сухой навалом.
И мы летим вдвоём.

Мечтам положено сбыться,
Если ничего не случится -
В жизни всё должно получиться,
Сбыться всё должно.

Ещё представьте мостик —
Надежды милый хвостик,
Окликнет и растает
Или пылит в глаза.

Оранжевые люди
Живут мечтой о чуде,
И золотые горы
Им сняться иногда.

Мечтам положено сбыться,
Если ничего не случится -
В жизни всё должно получиться,
Сбыться всё должно.

Ещё есть незабудки –
Забавные минутки.
Вбежали, пошалили,
Пропали навсегда.

А стрелки рядовые
Стоят, как часовые,
А стоит оглянуться
Исчезнут кто куда.

Бегут себе часами,
Ночуют под кустами –
Батистовые травы,
Волнуясь на ветру.

С цветочками из плюша,
Танцуют после душа,
Резные уголёчки,
Скучая по костру.

Сиреневые горы,
Смешные кошек споры.
И хорошо, что громко:
Услышать всем пора.

Настало время сказки –
Скорей закройте глазки.
Во сне она приходит
И снится до утра.

Масленица

Праздник солнечный, весёлый –
Рады города и сёла.
Прилетели птицы в круг,
Все блины пекут вокруг.

Здравствуй, первый день Весны –
Праздник проводы Зимы!
Блины с маслицем,
Праздник Масленицы!

Смотрю на вас сквозь грани хрусталя

Смотрю на вас сквозь грани хрусталя,
Последний раз вдыхаю сладкий дым.
В сказочном дне, в сладком сне,
Я смотрю на себя со стороны, -
Даже любви остывший след
Уже не виден мне.

Спокойный взгляд, улыбка на губах...
Сигарета вас уже не беспокоит,
А рядом пары танцуют,
Смеются и шепчут о любви,
Сверкает рампа, сияют
Огнями бриллианты на руке.

Наклонились вы и что-то мне сказали –
Ничего не смогла разобрать, но улыбка
помогла.

Ты забудь себя, отключись от забот,
Страсть дари, шутя – всё равно, ведь,
пройдёт.

И останутся на год лёгкость, мысли полёт
И волнующий набор ожиданий.

На город падает снег

На город падает снег,
Пушистый снег, серебряный снег,
Прощаясь тоже с тобой –
Он был наш союзник, нам не чужой...

Мерцают окна домов,
В снегу стоят деревья грустят...
Они прощаются с нами –
Встали рядами в парке надежд...

Струится хлопьями снег
На крыши домов,
На лица, плечи людей,
На стёкла машин, на тебя...

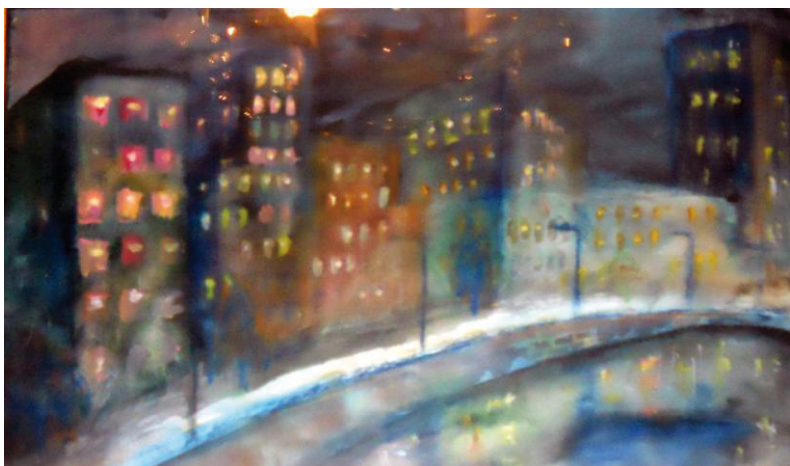
Проводя

Свет промелькнувших огней,
Прожитых дней...

На город падает снег,
Пушистый снег, серебряный снег -
Он память наших надежд,
Прошлый смех и радость прошлых
побед...

Уснули окна домов,
Прохожих нет, погасли огни,
А снег потоком струится,
Снова струится светом надежд...

Садится хлопьями снег:
На арки мостов,
На фонари, на песок,
На старый причал...
А вокруг, а вокруг:
Всюду искрящийся снег...

«На город падает снег» - Евгения Лесковая (1965 г.)

Музыка любви

Музыка любви, листая
Памяти тома большие,
Бурь, прошедших стих читая,
Воскрешает сны немые...

Позабытые местами,
Но родные без сомненья,
Чуть размытые годами,
Прилетают из забвенья...

От нахлынувшего чувства
Ты испытываешь счастье,
Вновь раскроешь сердца двери,
Распахнёшь свои объятия.

Позабыв дожди косые,
Музыке любви внимая,
Ты протягиваешь руки
Всё, что было возвышая.

Музыка, ты звучи всегда,
Без тебя только шорохи,
Краски дня исчезнут без тебя...

Пожелтевшими листьями,
Чьей судьбы играет ветер?
Книгу жизни кто оставил
Без заглавий, без отметин?..

Музыка любви считает
Все преграды, что мешают
Отогреть от стужи сердце,
То, что ложью унижают...

Музыка, ты звучи всегда,
Без тебя только шорохи,
Краски дня исчезнут без тебя...

«Музыка» - Евгения Лесковая (1974-1975 г.)

Я не в силах понять

Я не в силах понять, что стало с тобою,
Что с тобою происходит...
Как тебе мне помочь? Что сделать должна я?
Подскажи мне, подскажи мне...

Мы с тобою вдвоём,
Со мной говоришь ты,
Но не видишь, что я рядом...

Где любовь? Этих глаз огонь?
Словно лёд, сидит предо мной не он...
Свет померк, ясно мне теперь,
Будет так всегда – я открыла дверь...

Жизнь – карусель завертелась теперь,
Остановишь её – упадёшь...
Я поняла – вода утекла,
Теперь не вернуть любовь назад... Снова..

Боль запрятать из глаз подальше от взглядов,
Безучастных, строгих взглядов.
И не скоро теперь вернётся сознание
Что любовь не уходит...

ТЕАТР

В урагане будничного дня
Мы торопим время и себя.
И, встречаясь на короткий миг,
Мы боимся обнажить свой лик.

Быть собой – это твой девиз,
Будь собой, и огнём делись!

Мы стремимся космос пересечь,
На Луну мы хотим налечь,
Нам открыто океана дно
И оно не заселено...

Быть собой – это твой девиз,
Будь собой и огнём делись!

Как в театре, как на сцене,
Мы играем настроением.
Мы играем постоянно –
Это странно и смешно.

Не смеёмся мы, когда смешно,
Если нужно – улыбаемся.

В жизнь играем, как в немом кино –
Постоянно притворяемся...

«Мир – театр, мы - актёры в нём!»
Кто-то это услышал,
И своим друзьям поведал...

Как в театре, как на сцене,
Мы играем настроением.
Мы играем постоянно –
Это странно и смешно...

Как в театре, как на сцене,
Мы играем настроением...

«Натюрморт с тисками» - Евгения Лесковая (1965 г.)

Окончен бал – потухла свечка

Окончен бал – потухла свечка
И репетициям конец!
Отмучалась душа-овечка
Конец всегда всему венец!

К тому же за окном весенним
Восьмого марта виден лик –
Гуляй, цветы, пока есть время,
Мир необъятен и велик!

В преддверье праздника святого,
Мужчины поздравляют Вас!
Желают Вам всего такого:
Чего хотел бы видеть глаз.

И что приятно слышать уху,
И что мечталось осязать,
На что уж не хватает духу,
О чём так хочется сказать!

Мы пожелаем Вам большого,
Огромного, как этот мир...
Оранжевого, голубого,
Воздушного, ну как эфир...

Весомого, как небоскрёбы,
Прозрачного, как небосвод,
Шумливого, как те сугробы,
Что встретят вешний хоровод!

Конечно, праздничного чуда
И долгожданного тепла
Сердечного томленья, зуда,
Любви, сжигающей дотла!!!

Ах, как пленительна Весна!
Весною вовсе не до сна...
Мужчины мечтают в кошмаре:
Весною женщина в ударе!

С восьмого марта начиная,
Жизнь на Земле уже иная...
И это точно не ошибка:

ВСЁ МОЖЕТ ЖЕНСКАЯ УЛЫБКА!

Погасло Солнце

Погасло Солнце, тьма окутала нас,
Всё стало серым вокруг...
Кто днём был выше и заметнее нас,
С заходом Солнца потух.

Есть шанс подняться, а потом отдохнуть.
Рассвет застанет нас там...
Кто в темноте не смог рубеж обогнуть,
Того несёт по волнам.

Сверху - град, гром,
Снизу – рёв волн,
Прямо в лоб шторм...
Что впереди?

Сзади нет земли,
Сколько не смотри,
Прямо в лоб шторм
Всё позади.

Кто был удачливее всех в этот раз,
Кто был отмечен судьбой,
Победу празднует всего только час,
Навек утратив покой...

Сверху - град, гром,
Снизу – рёв волн,
Прямо в лоб шторм...
Что впереди?

Сзади нет земли,
Сколько не смотри,
Прямо в лоб шторм
Всё позади.

Твои глаза

Звёздный дождь сыплет потоки в лето,
Тайны чертит светом –
Лишь для меня, лишь для меня!..
Звёздный рой манит ковшом–приветом,
Сколько даром света –
Всё для меня, всё для меня!..

Я давно выбрал себе планету,
Выбрал только эту –
Стала моя, стала моя!..
Но лишь я летом готовлюсь в небо,
Тут же прилетают эти глаза,
Эти глаза...

А – а – а! Эти глаза
Погубили меня,
Полюбили меня...
Жажда иссушила до дна,
Истомила дотла,
Растопила меня...

Некуда скрыться, я знаю точно,
Всюду вас отыщут эти глаза, эти глаза...
Только лишь к ним я всерьёз, направлюсь,
Тут же исчезают эти глаза, эти глаза...

Что мне ждать, нужно подняться в небо,
Только не пускают эти глаза, эти глаза...
Я бы мог силы найти умчаться,
Только сам влюблён вот в эти глаза...

А – а – а! Эти глаза!

Жду я, где ты? Ты меня слышишь?
Жаром сердца верного дышишь!
Что же медлишь или не веришь?
Крепко сердца заперты двери?...
Хватит мучить: я не железный!..
Знаю, просьбы все бесполезны...

Звёздный дождь сыплет потоки в лето...

Птица Феникс

За морем искал он птицу Феникс -
Обошёл почти полсвета пешком...
Был и там, где волны Север пенят
И, шепча Сиянье, светит маяком.

Заплывал он в земли грозных Ирокезов,
Шпагой и мечтою прорубал свой путь
И стоял скалою за восстанье Гезов,
Чтоб в горячем Ниле чуть не утонуть!..

Видел он, как люди жемчуга растили,
А слоны трубили: «Ты не вешай нос!»
Пагоды и фанзы мимо провозили,
Но, как видно, эти птицы здесь не вили гнёзд.

Где же птицы счастья?
Где живут как в сказке?
Где не знают зависть
К золоту в домах?

Где не ждут ненастье
И привыкли к ласке?
Где в глазах улыбки,
Радость на устах?

Проносились земли, люди, годы, мифы...
Уходили новые на поиск смельчаки...
Им встречались те же люди, земли, рифы
И светили ярко те же маяки...

ЛОШАДИ

Плыли по небу синему
Птицы из края дальнего.
Были они счастливыми
Беззаботным днём.

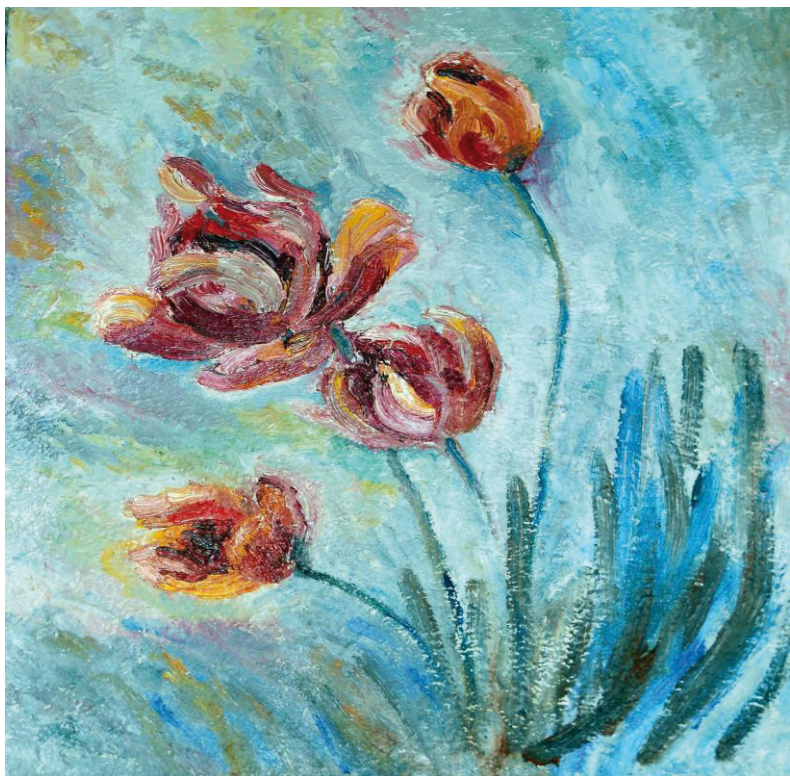
Пролетели дни вчерашние,
Мир вращается быстрее –
Времени нет, чтоб опомниться,
Стиснутым вечностью...

Снова по небу синему
Птицы плывут из прошлого...
Были они счастливыми...
Стали...

Мчатся по кругу лошади,
Гривы в поту взъерошены,
Крылья в сердцах отброшены –
Кто же победит?..

Почему по небу синему
Не плывут в восторге дня
Белые, рыжие лошади...
Пусть не сегодня, но...

Может в разгар шального дня,
Тучи прорвав вчерашние,
Крылья расправив...
ЛОШАДИ ПРИЛЕТЯТ...

«Тюльпаны» - Евгения Лесковая (1978 год).

Содержание:

Ностальгия.	3
Animals.	43
<i>Глава Арбат</i>	<i>44</i>
<i>Глава Родители</i>	<i>46</i>
<i>Глава Яшика</i>	<i>47</i>
<i>Глава Пудель</i>	<i>49</i>
<i>Глава Ники</i>	<i>51</i>
<i>Глава Театр</i>	<i>55</i>
<i>Глава Никита</i>	<i>58</i>
<i>Глава Чарли</i>	<i>60</i>
<i>Глава Дикуся</i>	<i>65</i>
<i>Глава Соловки</i>	<i>72</i>
<i>Глава Петух</i>	<i>77</i>
<i>Глава Козлёнок</i>	<i>79</i>
<i>Глава Ховань</i>	<i>81</i>
<i>Глава Ховань – 2</i>	<i>83</i>
<i>Глава Дикуся (продолжение)</i>	<i>84</i>
<i>Глава Корейцы</i>	<i>86</i>
<i>Глава Брусok</i>	<i>88</i>
<i>Глава Соседи</i>	<i>94</i>
<i>Глава Корсар</i>	<i>96</i>
<i>Глава В электричке</i>	<i>100</i>
<i>Глава Хомяк</i>	<i>102</i>
<i>Глава Зоопарк</i>	<i>105</i>
<i>Глава Крокодил</i>	<i>113</i>
<i>Глава Гришика</i>	<i>115</i>
<i>Глава Стас</i>	<i>119</i>
<i>Глава Опять Стас</i>	<i>122</i>
<i>Глава И снова Стас</i>	<i>124</i>

<i>Глава Дик, Корсар, Катька</i>	126
<i>Глава Пропажа</i>	129
<i>Глава Дик и Корсар.</i>	132
<i>Глава Гроза</i>	137
<i>Глава Что случилось?</i>	139
<i>Глава Птичка</i>	141
<i>Гад, гад, гад!</i>	143
<i>СТИХИ</i>	147
<i>Сказочник</i>	148
<i>Мираж</i>	150
<i>Нам улыбаются все</i>	151
<i>Остров любви</i>	153
<i>Звёзды доверчиво глянули</i>	154
<i>Волшебный сон познания</i>	155
<i>Галатея</i>	156
<i>Есть сынок у Афродиты</i>	158
<i>Что же делать нам с мужьями</i>	160
<i>Подойди, подойди, мне в глаза загляни</i>	161
<i>Салатовое небо</i>	162
<i>Масленица</i>	164
<i>Смотрю на Вас сквозь грани хрусталя</i>	165
<i>На город падает снег</i>	166
<i>Музыка любви</i>	168
<i>Я не в силах понять</i>	170
<i>Театр</i>	171
<i>Окончен бал, потухла свечка</i>	173
<i>Погасло Солнце</i>	175
<i>Твои глаза</i>	176
<i>Птица Феникс</i>	178
<i>Лошади</i>	179

Литературно-художественное издание

Лесковой Олег Фёдорович

Ностальгия

Фото – Людмилы Каширской

Отзывы и пожелания (предложения) направляйте
по адресу:
olegleskovoi@mail.ru

Издание выполнено в авторской редакции.

Подписано в печать 30.05.13. Формат 60х90^{1/16}.

Усл. печ. л. 11,44. Тираж 100 экз.

Заказ № K26_0411_009

Издатель Мархотин Павел Юрьевич
141100 МО, г. Щёлково, Пролетарский проспект, 2-61

Тел.: (495) 968-74-08

www.ontoprint.ru

Отпечатано на собственной
полиграфической базе издателя

Лесковой Олег Федорович – родился 07.09.1948 г. в городе Москве, в семье архитекторов.

В 1967 году окончил архитектурно – строительный техникум и с 1967 по 1969 год служил в рядах Советской армии. После армии работал в проектной организации ГИПРОКИНО.

В 1971 году поступил, а в 1976 году закончил ГИТИС факультет музыкального театра, курс Народного артиста СССР, Профессора Владимира Федоровича Дудина, получив специальность актер музыкального театра.

ФИЛЬМОГРАФИЯ:

1976 год – «Легенда о Тиле», режиссеры Александр Алов и Владимир Наумов,

1976 год – «Принцесса на Горошине», режиссер Борис Рыцарев,

1977 год – «Риск – благородное дело», режиссер Яков Сегель,

1979 год – «Стакан воды», режиссер Юлий Карасик.

В 1988 г. прошёл обучение во Всесоюзном институте повышения квалификации работников культуры при Министерстве Культуры СССР в группе руководителей центров досуга. Работал директором Центра досуга «Лидер» в Москве.

В 1989 году основал музыкальный шоу-театр «Тили – Бом» г. Москва. Главный режиссёр.

Театр с гастрольями объездил всю страну: Сибирь, Дальний Восток, Европейскую часть России, Латвию, Белоруссию.

Лесковой Олег Федорович – член Российского Авторского Общества с 21.09.1994 года. Драматург, автор песен.

Написал и поставил Цикл «Новогодние Зодиакальные сказки Деда Мороза» – 12 сказок – Книга 2, Книга 3, книга 4. Пьесы: «Золотые яйца», «Как украсть Снегурочку?» из серии Новогодние истории Деда Мороза – «Огородная история или Кто съел Барана?», «Огонь собирает друзей».

С 2013 года пьесы можно прочитать в Российской Государственной Библиотеке, в Российской Государственной Библиотеке Искусств, в Библиотеке СТД.